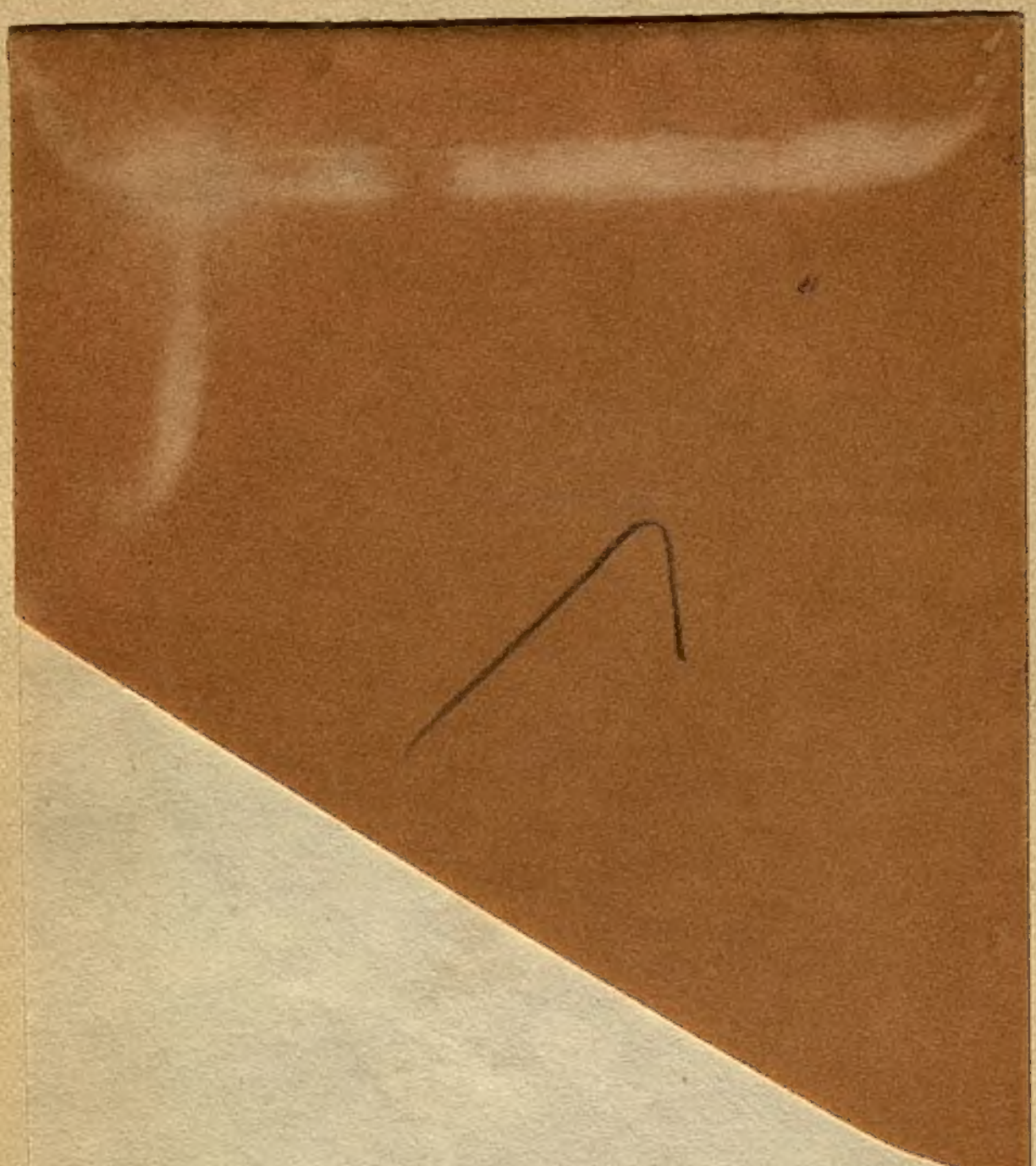
91
Б12 И

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

И. И. БАБКОВ

ПО АФРИКЕ

МОСКВА ~ 1949



РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

И. И. БАБКОВ

Проверено | 2015

ПРОВЕРЕНО 51 г.

ПО АФРИКЕ

Путешествия Е. П. Ковалевского, В. В. Юнкера, А. В. Елисеева

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА Г. Ш ВМФ СССР

ПРОВЕРЕНО 19[illegible] г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1949

91
5 12

ЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 19[illegible] г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Е. П. Ковалевский	7
В. В. Юнкер	39
А. В. Елисеев	65

Редактор *С. В. Узин* Технич. редактор *Д. А. Глейх*

А 08271. Сдано в производство 20/VI 1949 г. Подписано к печати 26/VIII—1949 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Тираж 50 000 тыс. Печатных листов 5$^{1}/_{2}$. Учетно-издательских л. 4,60. Цена 1 р. 50 к. Заказ № 1677.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Африка неоднократно и с давних пор привлекала внимание отдельных русских ученых, и труды их пользуются широким признанием.

В этой книге рассказывается о замечательных русских исследователях Е. П. Ковалевском, В. В. Юнкере и А. В. Елисееве.

Путешествия их происходили в XIX столетии, в тот период, когда были исследованы, описаны и нанесены на карту громадные территории внутренних районов африканского материка.

В отличие от подавляющего большинства западноевропейских путешественников Ковалевский, Юнкер и Елисеев не выполняли никаких колонизаторских заданий. Они занимались исследованиями с единственной целью: принести пользу отечественной науке. Поэтому их труды и общий научный облик так не похожи, например, на облик Стенли или Де-Бразза, известных путешественников и жестоких колонизаторов, имена которых остались в истории географических открытий, но еще более известны в истории колониального порабощения народов Африканского материка.

Путешествия Егора Петровича Ковалевского были совершены сто лет тому назад, в 1848—1849 гг. К этому времени русские уже внесли ценный вклад в дело изучения Африки. Египет и Нубию описал в 1834—1835 гг. А. С. Норов. По Египту, Алжирии и Тунису путешествовал в 1846—1848 гг. А. А. Рафалович. В 1847 г. Алжирию посетил натуралист Э. И. Эйхвальд. В ряду этих имен Ковалевскому принадлежит самое почетное место. Ему

удалось проникнуть по Нилу в районы, куда до него не ступала нога европейца. Книга Ковалевского «Путешествие во внутреннюю Африку» оставила яркий след в истории изучения Африканского материка.

В 1875—1886 гг. по Центральной Африке путешествовал Василий Васильевич Юнкер. Ему первому удалось пройти область водораздела Нила и Конго и нанести на карту этот сложный по рельефу и гидрографии район. Он дал превосходное описание материальной культуры многочисленных африканских племен, богатой флоры и фауны, составил изумительную по своей точности карту исследованной им области. Свои десятилетние исследования он обобщил в обширном труде «Путешествия по Африке», имеющем мало равных себе в зарубежной географической литературе.

Кроме Юнкера во второй половине XIX столетия Африку посетили многие русские путешественники. Мы рассказываем об одном из них — Александре Васильевиче Елисееве, неутомимом исследователе, написавшем превосходную книгу «По белу свету». Чудесные картины природы, быта и нравов виденных им народов, нарисованные яркими сочными красками, запоминаются надолго и могут служить прекрасным материалом для географической хрестоматии.

Егор Петрович
КОВАЛЕВСКИЙ

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ

Егор Петрович Ковалевский родился в небогатой дворянской семье, в селе Ярошевка, ныне Дергачевского района Харьковской области, в 1811 г. После окончания в 1828 г. Харьковского университета по философскому факультету он стал работать по горному ведомству на Златоустовских заводах, где занимал должность помощника горного начальника, и на Алтае, на золотых приисках. Это дало ему возможность приобрести специальные знания, связанные с добычей золота.

В 1837 г. молодой Ковалевский, сопровождая партию золота, прибыл в Петербург. В это время русское правительство получило просьбу Черногорского правителя Петра Нетоши прислать знающего человека для исследования природных богатств этой страны, и главным образом, выяснить — нет ли в горах Черногории золота. Выбор пал на Е. П. Ковалевского, и он был в том же, 1837 году, командирован в Черногорию. Здесь ему пришлось принять участие и в дипломатических делах страны и даже в военных столкновениях черногорцев с австрийцами. Последнее обстоятельство вызвало протест Австрии, и Ковалевскому пришлось вследствие этого покинуть Черногорию. В результате этой поездки появилась работа Ковалевского «Четыре месяца в Черногории», вошедшая в сборник его географических работ под общим наименованием: «Странствователь по суше и морям».

При содействии А. М. Горчакова, заметившего дипломатические способности молодого горного инженера, Ковалевский переходит из Горного ведомства в Мини-

стерство иностранных дел и осуществляет ряд путешествий.

В 1839—1840 гг. он едет в Бухару и участвует в Хивинской экспедиции Перовского. Проходит около десяти лет, и Ковалевский вновь возвращается к работе геолога и отправляется в знойную Африку, в Египет, к истокам Нила.

Обстоятельства, вызвавшие эту поездку, таковы. Египет, номинально являвшийся в те времена провинцией Турции, управлялся наместником султана Мухаммедом Али. Сделавшись египетским пашой, Мухаммед Али приступил к ряду реформ. Он привлек европейцев, главным образом французов, к организации армии по европейскому образцу, положил начало флоту, провел организацию финансовой системы, покровительствовал развитию земледелия и преимущественно таких товарных культур, как хлопок, индиго, лен, старался развить просвещение, пытался наладить горную промышленность. Это не мешало ему, однако, с беспощадной жестокостью эксплоатировать, часто в личных целях, местное население и путем карательных экспедиций подавлять малейшие попытки освободительного движения.

Покорив Нубию и часть нынешнего Судана, Мухаммед Али стремился заняться разработкой золота, на месторождение которого указывали и древние предания и кое-какие очень примитивные разведочные работы. Инженеры, приглашенные из Германии, не смогли ничего организовать, несмотря на огромные затраты египетского правительства и предоставлявшиеся им в этом отношении неограниченные возможности. Зная, что в России золотопромышленность стоит на очень высоком уровне, Мухаммед Али обратился в 1843 г. к русскому правительству с просьбой прислать в Египет опытного офицера корпуса горных инженеров и несколько горных мастеров для устройства и руководства разработками золотых россыпей, открытых в Верхнем Египте. Вначале в ответ на эту просьбу русским правительством было предложено прислать в Россию на выучку египетских инженеров, что и было сделано.

Инженеры Али-Могамед и Дашури были посланы на Урал; их сопровождал Ковалевский. Однако по их возвращении в Египет дело все-таки не пошло, и просьба была повторена. На этот раз разрешение было получено,

и в Египет был командирован Ковалевский в сопровождении опытных мастеров-штейгеров (штейгер Бородин и золотопромывальщик Фомин). Вместе с ним от Географического общества был послан ботаник Л. С. Ценковский *, совместно с которым Ковалевский произвел ряд географических и геологических исследований в долине Нила. Одновременно же ему удалось проникнуть далеко к югу, в Абиссинию. Все это путешествие Е. П. Ковалевский талантливо описал в своей книге «Путешествие во внутреннюю Африку», которая была издана в двух частях в 1849 г.

В этом же году мы застаем Ковалевского уже в глубине Азии, в качестве члена русской духовной миссии в Бейпине. Вернувшись в 1850 г. в Россию, Ковалевский в 1851 г. снова посещает внутренний Китай совместно с торговой экспедицией. При этом Ковалевскому удалось добиться от Китая разрешения на проезд миссии по новым, более коротким караванным путям, минуя аргалинские пески. В том же 1851 г. им был подписан со стороны России Кульджинский договор, по которому для русской торговли была открыта Джунгария. В 1853 г. мы встречаем Ковалевского снова в Черногории, где, в должности русского комиссара, он способствовал прекращению военных действий и положил начало мирным переговорам между Черногорией и Турцией. В 1856 г. Ковалевский был назначен директором Азиатского департамента Министерства иностранных дел. До этого он некоторое время провел в действующей армии на Дунае, а затем в Севастополе, где пробыл весну 1854 г. В 1861 г. Ковалевский — сенатор и член Совета Министерства иностранных дел.

Е. П. Ковалевский принимал деятельное участие в работе Русского Географического общества. Действительным членом его он был избран в конце 1847 г., перед своим отъездом в Африку; с 1857 г. по 1865 г. был помощником председателя, а в феврале 1865 г. был избран

---

* Лев Семенович Ценковский (1822—1887 гг.), профессор Петербургского, затем Новороссийского и еще позднее Харьковского университета, был первым русским ученым, привлекшим внимание к новой области изучения истории развития низших растений. Его работы получили всемирную известность. Коллекции, собранные им во время путешествия в Африку совместно с Ковалевским, погибли на обратном пути при крушении корабля.

почетным членом. Ковалевский писал и беллетристические произведения и был основателем и деятельным членом Комитета для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). Скончался Е. П. Ковалевский в Петербурге 3 октября 1868 г.

* * *

В начале декабря 1847 г. Егор Петрович Ковалевский, в сопровождении своих спутников, высадился на берег Африки в Александрии. По его словам, Александрия не произвела на него особенного впечатления. Несмотря на то, что на ярком горизонте «чудно рисовались пальмы», они не казались ему чем-то необычным, так как до этого он уже видел их на Родосе, а низменный песчаный берег был даже слишком обыкновенен для глаз нашего путешественника, привыкших к низким болотистым берегам Балтийского моря.

Пароход остановился в старом порту, откуда вид Александрии был довольно живописен: налево располагался дворец паши, его гарем, сад и маяк, прямо — здание арсенала, красивые городские дома, крепость, сады.

С правой стороны картина была не особенно весела — далеко вдавшаяся в море песчаная коса, как бы предвещающая путнику страшные пустыни, разбросанные по ней жалкие лачуги, а за ними множество ветряных мельниц.

В Александрии нашим путешественникам было объявлено, что по случаю холеры в Константинополе, откуда они прибыли, им надлежит выдержать десятидневный карантин, прежде чем они получат право посетить город. Их поместили в малый дворец главы местной администрации — Ибрагима-паши.

Эти дни невольного заключения казались бесконечно долгими. Грустно прохаживался Ковалевский в первый день своего пребывания в Александрии по обширной крестообразной в плане зале. Отовсюду было видно тихое море и прозрачное небо с яркоалым горизонтом, за которым только что скрылось солнце. Внезапно наступила ночь, и небо покрылось мириадами звезд. Мысли невольно обращались к далекой родине. Глухо отдавались шаги нашего путешественника на мраморном полу пустынного, тускло освещенного дворца.

Понятно, с какой радостью, по прошествии этого неожиданного десятидневного заключения, Ковалевский отправился осматривать город и подготовлять свое дальнейшее путешествие в глубь неизвестной для него Африки.

Немало ярких картин далекого прошлого Александрии возникало перед глазами русского путешественника, впервые попавшего на древнюю почву Египта, картин, о которых он мог знать только по сохранившимся отрывкам произведений классиков древности.

Но надо было двигаться дальше, к цели путешествия, и, провожаемые министром иностранных дел и коммерции Артином-беем, Ковалевский и его спутники отправились на пароходе в Каир.

* * *

Путь до Нила шел по каналу Махмудие длиною около 120 км, который был сделан с большой поспешностью в течение 10 месяцев, и стоил, как говорили, многих миллионов рублей и до 30 тыс. человеческих жизней, погибших на этой изнурительной работе в духоте и пыли, терпя ужасные лишения от голода, трахомы и других болезней.

В Афтэ, куда Ковалевский прибыл ночью, была пересадка на большой нильский пароход. В темноте, под частым мелким дождем (большая редкость для дельты Нила) Ковалевский перебирался к Нилу. Вещи экспедиции были расхватаны огромной толпой полунагих носильщиков, подгоняемых плетью надсмотрщика, и унесены вперед. Одолев длинные и узкие переулки, лестницы, обрывы берегов, следуя в темноте за длинной фигурой проводника, закутанного в широкий бурнус, Ковалевский взобрался на пароход, где ему пришлось добывать себе место буквально с бою, доказывая криком и кулаками свое право на каюту. Не успели разместиться, и пароход уже двинулся, как говорит Ковалевский, «по египетскому обычаю, сломя шею, спотыкаясь на мели и нередко задевая за берега».

К восходу солнца пароход плыл уже по Нилу. Здесь у начала его Розетской ветви Нил почти вдвое шире, чем Нева в Ленинграде у Сената. Пологие берега унылы, однообразие их как бы подчеркивается рядами пальм, из-за которых там и сям мелькают деревушки.

Вдали тянется гряда гор, темная, без растительности, полузанесенная песком. Поздно вечером в тот же день пароход прибыл в Каир. Заночевать пришлось на пароходе, и только на другой день утром отправиться в город.

* *
*

Чтобы понять то впечатление, которое произвел на русского человека такой оригинальный город, каким является Каир, лучше предоставить слово самому путешественнику.

«Каир, — пишет Ковалевский, — остается теперь единственным типичным городом магометанского востока, не нынешнего востока, пресмыкающегося в невежестве или рабстве, но прежнего, времен его славы, времен калифов. Посмотрите, как хороша, величава во всей изящной простоте своей эта мечеть, как легки, воздушны, грациозны минареты! Высоко встают они от земли, и будто собственной волею стремятся один за другим все выше и выше в небо; не успеешь следить за ними, не успеешь уловить их взором. А эти резные, точеные балконы, обвитые, словно кружевом, тоненькою решеткою! А окна филигранной работы, в которых вполне разыгралась фантазия востока! А улицы, крытые где полотном, где деревом: в них и в самый полдень вы защищены от солнца! А ночью, ночью — как таинственны эти улицы! Веришь, что приключения тысячи и одной ночи могли в них случаться. Да, Каир сильно поражает на первый раз путешественника, настроенного к чудесному, утомленного однообразным видом городов нашей положительной Европы. Правильные, широкие улицы дают простор воздуху, облегчают сообщение, приучают к порядку — замечание очень благоразумное. Но неужели Вы думаете, что и прежде люди, еще носившие в душе воспоминания о беспредельных пустынях, не заботились о просторе? Дело в том, что на этих широких, открытых улицах Вас сожжет полуденное солнце: вот чего очень благоразумно избегали все города юга средних времен, устраивая у домов висячие балконы, которые составляют род кровли над улицами. Простор любили арабы, простор в доме, расписанном, разрисованном арабесками, раззолоченом, простор на широком дворе, устланном мозаикой, застланном густой зеленью виноградников и фиг,

прохлажденном вечнобьющим фонтаном. Тут может быть и не было нашего комфорта, но была роскошь, нега, пища фантазии, удручаемой житейской заботой...».

С напряженным любопытством смотрел Ковалевский по сторонам и на дома, и на улицы, и на уличные сценки, поражающие непривычного к ним европейца. Тут концерт двух полуголых музыкантов, там оркестр оглушительной турецкой музыки, за которым под тяжелым балдахином, поддерживаемым несколькими дюжими носильщиками, двигалось нечто вроде вешалки, загроможденной дорогими материалами, а за всем этим шумная и крикливая толпа — это проводят по городу невесту. Еще дальше, посреди площади, рынок рабов.

Десять дней, проведенных Ковалевским в Каире, прошли в хлопотливой подготовке к путешествию вверх по Нилу: для того, чтобы попасть в места, предназначенные для работ по розыску золота и устройству там золотопромывальных фабрик, нужно было сделать не менее двух тысяч километров пути на пароходе, на парусной барке и, наконец, с караваном.

Случайно оказалось, что в это время в Каире собралось человек семь русских и большей частью давно знакомых. В свободное время от работ по организации экспедиции Ковалевский, со свойственной ему любознательностью, вместе с соотечественниками, осмотрел пирамиды, взобрался на самую большую из них — пирамиду Хеопса, и даже спускался в глубину ее внутренних ходов и погребальных камер. В своем описании он не дает почти никаких подробностей. По его словам, он смотрел на пирамиды не столько с восторгом, к которому он был подготовлен всеми описаниями путешествий по Египту, начиная с Геродота, сколько с невольным ужасом, который внушала ему пирамида, как памятник тирании египетских фараонов. Поэтому он просто отсылает читателей за подробностями к любому описанию путешествия по Египту.

20 января 1848 г. Ковалевский со своими спутниками сел в Каире на пароход, чтобы добраться на нем по Нилу до Асуана, где путь преграждают пороги. Его сопровождал ботаник Л. С. Ценковский, командированный Русским Географическим обществом. Вместе с Ковалевским ехали также русские штейгеры.

Инструменты и материалы, нужные для разведочных работ и устройства золотопромывальных фабрик, были отправлены заранее в Фазоглу. Путь до Асуана, свыше 1000 км, нужно было проделать на пароходе, специально выделенном для этой цели, а остальной путь — частью на барке, частью верхом.

Быстро промелькнули загородные сады Каира, скрылись его минареты, цитадель, и все окрестности великой африканской реки слились в почти безжизненную пустыню, которая начинается, по существу, против самого Каира.

Безжизненность и равнинность нильской пустыни как бы особенно подчеркивается громадами пирамид — сначала Гизехских, потом Саккарских. Кое-где мелькающие группы пальм говорят о деревне вблизи них, но она, по большей части, не видна на этих низких берегах, разве только иногда можно разглядеть какие-то бугры, более похожие на норы сурков, чем на жилища людей. Кое-где по берегам видны небольшие стада верблюдов, буйволов, баранов. Повсюду видны водоподъемные колеса — саки, беспрерывно приводимые в движение либо верблюдами, либо буйволами. Там и сям желтеют поля с полусозревшим сахарным тростником. На крутом обрывистом берегу стоит коптский монастырь св. Антония.

Необходимость пополнить запасы провианта заставила несколько задержаться у города Бени-Суэйф, славящегося своими коврами и бумажными тканями. Поздно ночью, при ярко светящей полной луне, Ковалевскому удалось немного побродить по городу, который представлял собою беспорядочно разбросанную кучу жалких лачуг и в эти часы казался совершенно вымершим. Только мечеть да несколько домов, принадлежащих туркам или торговцам, находящимся на особом положении, как доверенным Мухаммеда Али, можно было назвать настоящими городскими зданиями. Короткая прогулка по городу закончилась жаркою схваткою со стаями почуявших иностранцев собак, которые преследовали их до парохода.

Вблизи Бени-Суэйфа, против монастыря св. Антония, находится канал Иосифа, который отводит часть вод Нила в оазис Файюм. Критически рассмотрев материалы исторических документов о канале Иосифа, Ковалевский, на основе геологических данных, приходит к выводу, что

этот канал — вовсе не канал, а самый обыкновенный рукав Нила, возникший естественным путем. По мнению Ковалевского, небольшой канал, который соединяет рукав с оазисом Файюм и который якобы был сделан по приказанию легендарного Иосифа, — мог дать название и всему рукаву. Одновременно Ковалевский опроверг, на основе геологических данных, утверждения об искусственном происхождении озера Керун в Файюмском оазисе и доказал, что оно представляет собою естественное образование.

* * *

Быстро несется пароход по Нилу: путешественники проезжают за один день расстояние, которое на парусной барке (по местному названию — дахабие) потребовало бы дней пять-шесть. Днем жарко: несмотря на январь, температура воздуха, в полдень равная 20°, — самая обыкновенная. На небе появляются и исчезают облака. Особенно хороши ночи, теплые, «звездометные». Видно, что далеко забрались наши путешественники: появляются новые созвездия, новые звезды. Время бежало быстро, незаметно. Не раз берега Нила, уже видевшие русского человека и слышавшие его русскую речь, слышали здесь и хоровую русскую песню.

«Нас очень забавляли, — пишет Ковалевский, — беспрестанно встречавшиеся плоты глиняной посуды, сплавляемые с верховьев Нила. Тысячи горшков и кувшинов, связанных в три слоя, нижние обращенные вниз горлами, плывут себе, в виде огромного плота метров тридцать длиною и почти такой же ширины. Четыре полунагих гребца располагаются наверху. В руках у них, вместо весел, пальмовые ветви, кое-как перепутанные и связанные, и так проплывают они вниз по Нилу какую-нибудь тысячу километров. При приближении парохода они стараются уйти как можно более в сторону, потому что волнение плоты коробит, как листья. Воображаю, что с ними делается во время сильного ветра — а ветры бывают на Ниле довольно сильные».

Остановки каждый день на несколько часов в главнейших городах на пути для пополнения запасов каменного угля позволяли делать некоторые наблюдения.

В Асьюте, городе с 20 тыс. жителей, чистом и опрятном, расположенном на месте древнего Ликополиса, среди

домов резко выделяется дворец Ибрагима-паши, правителя Верхнего Египта.

В Жюрже Ковалевским была осмотрена бумагопрядильная фабрика, принадлежавшая самому Мухаммеду Али.

В Кене находится агент русского консульства. Оказывается, что здесь встречаются и русские подданные, магометане-паломники, которые по сухому руслу Вади-Фаакхир отправляются отсюда в Эль-Косейр, на берег Красного моря, а оттуда на поклонение мусульманским святыням в Мекку.

За недостатком времени бегло были осмотрены древние Фивы, Луксор, Карнак, развалины древних египетских храмов, аллеи сфинксов, находящиеся среди этих величественных развалин бедные арабские деревушки.

Кругом чудное прозрачное небо, на горизонте ярко вырисовываются отдельные купы пальм. Кстати о пальмах. Здесь однообразие рощ финиковых пальм оживилось появлением пальмы дум — ветвистой пальмы, с ярко желтоватой зеленью. Она довольно тениста, ее широкие остроконечные листья торчат пучками вверх. Большой плод, терпкого вкуса, содержит в себе ядро, с приятной жидкостью внутри.

В Эсне осмотрели знаменитый храм с изображением Зодиака.

На пятый день путешествия пароход прибыл в Асуан. Здесь течение Нила преграждают пороги. Пока губернатор распоряжался перевозкой вещей экспедиции на ту сторону порогов и подготовкой барок-дахабие для дальнейшего следования по Нилу, путешественники осмотрели Элефантину — древнее египетское поселение, теперь почти сплошь заваленное обломками колонн, сфинксов, статуй огромного размера. Посетили и остров Филе с древним храмом Изиды *.

Асуан — это древняя Сиена. Здесь находились знаменитые каменоломни, которые дали материал для постройки храмов Египта и изготовления древних скульптур богов и фараонов. Она дала название и горной породе, сходной по виду с гранитом, но лишенной кварца — сие-

---

*В настоящее время, в связи с постройкой плотины в Асуане, остров Филе затоплен водами Нила.

питу. Из нее изготовлены два сфинкса, которые украшают набережную реки Невы у Академии художеств в Ленинграде. Здесь, в древней Сиене, по преданию, находится глубокий колодезь, на дне его в день летнего солнцестояния отражается луч солнца — явление, которое дало возможность Эратосфену более чем за два века до нашей эры определить размеры земного шара.

Переночевав кое-как в Асуане и обойдя пороги посуху (багаж экспедиции перевезли на верблюдах), экспедиция на другой же день рано утром, пользуясь легким попутным ветром, двинулась вверх по Нилу на парусных баркáх.

* * *

Дальше путь пролегал уже по Нубии. Во времена Ковалевского Нубия уже не была страною диких, сильных людей, вооруженных огромными щитами и мечами, как ее описывали древние писатели.

После долгого сопротивления, подавляемого с невероятной жестокостью, нубийцы должны были смириться перед вооруженными огнестрельным оружием египтянами. Ружья и пушки сломили храбрость нубийцев. Нежелавшие покориться власти Мухаммеда Али скрылись в диких и труднодоступных горах Верхнего Египта. Но и египтяне дорого заплатили за эту победу. Сын Мухаммеда Али — Измаил-паша, вместе с офицерами египетского войска и со всем своим штабом, приглашается на торжество к Мелек-эль-Нимру, вождю южной Нубии, и здесь гибнет ужасной смертью: королевский дворец, окруженный со всех сторон огромными стогами соломы, якобы кормом для верблюдов египетского войска, внезапно во время пира поджигается, и все приглашенные сгорают заживо. Уцелевшие от огня падают под ударами копий.

После голых скал кристаллических пород, сквозь которые у Асуана Нил пробивает себе дорогу, здесь появляются песчаники, горы ближе подходят к берегам реки, и обработанные земли двумя узкими полосами тянутся, как ленты, вдоль берегов. Там, где прибрежные горы невысоки или представляют неширокую гряду, до плодоносных берегов Нила достигают пустыни, вытесняя всякую растительность, распространяя опустошение и

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

смерть. В таких местах можно увидеть только одинокую пальму или куст мимозы.

Несмотря на конец января, солнце жгло довольно чувствительно. Воздух очень сух: нет ни ночных рос, нет дождей. Землю здесь питает только Нил. Наши путешественники, ехавшие на парусной барке-дахабие, все время слышали доносившийся с берегов пронзительный визг примитивных водоподъемных механизмов: сакий и шадуфов. Шадуф чрезвычайно напоминает обычный в южной России колодезный журавль. Воду переливают при помощи ряда таких шадуфов из одного бассейна в другой, начиная от Нила, до возвышенной части берега, где находятся посевы. Сакия — вертикально поставленное колесо, на котором при помощи веревок опускаются и одновременно же поднимаются ряды горшков. Быки или лошади беспрерывно приводят в движение сакию, и горшки, наполненные водою, поднимаются, а пустые опускаются книзу. Вода сливается в особо устроенные бассейны, чтобы рядом таких механизмов подниматься до высоты засеянных полей. Беспрерывно поливаемое поле дает в год две и даже три жатвы. Для ячменя требуется от посева до созревания два месяца.

Попутный северный ветер подвигает дахабие вверх по Нилу, наибольшей силы он достигает к полудню, вечером почти стихает.

Вот как Ковалевский описывает один из таких вечеров на Ниле выше порогов.

«Как хорош вечер! Солнце западало за Ливийские горы, которые покрылись каким-то золотистым паром; между тем, вершины противоположной аравийской гряды уже темнели, хмурились: подошвы были бледного, побежалого цвета; на них рисовались яркою, живописною зеленью пальмы и кустарники акации, которые при дневном свете вообще прозрачны. Но вот солнце скрылось совсем, только алая полоса осталась на закате, на ней Ливийские горы очерчивались резкими, ломаными линиями. Небо было чистого высокого цвета сапфира, ни облачка на нем. Мне было даже досадно, зачем оно так пусто. Но вот на востоке засветилась звезда, другая, и вдруг все небо заискрилось: настала ночь. Все это совершилось быстро. Тихо скользили наши четыре дахабие по гладким волнам Нила, паруса едва надувались легким северным ветром. Вокруг была тишина, арабы сидели, по-

никнув головой, как будто ночь давила их к земле и наводила тоску больше, чем день. Это — не то, что кочевые племена киргизов или монголов и даже негров, которые оценили бы вполне красоту подобной ночи и, не смыкая глаз, провели бы ее под звездометным небом. Действительно, хороша была эта ночь — на земле все было таинственно, полутемно, как будто она говорила: мне так лучше, виднее небо... Вот, на одной из барок кто-то замурлыкал русскую песню. Грустно!.. Все спит. На барках потухли огни, и мы плывем тихо и незримо, как духи волшебных сказок... Вот и луна взошла; время около полуночи, пора и спать...»

На правом берегу Нила небольшая деревушка Кирпс. Ковалевский посетил ее разбросанные среди растительности мазанки. Нубийцы, обитающие в долине Нила, живут в домах, четырехугольных в плане, более или менее кубической формы, кверху они скошены. Иногда они деревянные, крытые соломой. Вот как выглядит незатейливое внутреннее убранство этих жилищ, когда, пройдя вымощенный камнем дворик, по узкому закоулку Вы огибаете дом и входите в него через низкую дверь. Постель, с натянутыми на ней плетеными ремнями или лыками, превосходно сделанные простые ящики, почти непроницаемые корзины, кожаные мехи, глиняные горшки для хранения воды, пива из дурры и пальмового вина, ручные мельницы, или камни, для размалывания зерен ячменя и пшеницы, железные или глиняные плоские блюда для печенья хлеба, чашки из тыквы, топор, бурав, несколько мотыг, — составляют домашнюю утварь. Цыновки, занавески, перегородки и доски для спанья — это мебель; котлы, плоские плетеные тарелки и крышки к ним — посуда. Иногда внутри хижин можно найти только сложенную из глины кровать, углубление в стене для голубей, которых разводят для еды, а весь домашний скарб составляют нож да кувшин. Вместо окон небольшие отдушины. Настоящей крыши нет: это небольшая куча соломы, пропускающая свет в хижину. Во дворе стоит большой горшок с ячменем или дурроой: это запас для уплаты налогов. Самому нубийцу и его семье нужно немного, и это немногое он получает прямо с поля. Тут у него всего понемногу и во всякое время что-нибудь поспело: то горох, то бобы, то ячмень, чечевица, дурра. Пища, хотя и разнообраз-

ная, но преимущественно, а во многих местах исключительно, растительная. Зерна злаков, не столько размолотые, сколько растертые, перерабатываются в тесто, из которого пекут хлеб. Его едят с молоком или же с какой-нибудь растительной похлебкой, редко с высушенными на солнце тонкими кусками мяса, часто с большим количеством острых приправ.

Скудость пищи нубийцев поневоле заставляет задумываться, как только эти бедняки могут и сами жить и оплачивать налоги. Редко у кого можно встретить несколько баранов или верблюда. Земледельческих орудий почти нет, да их и не нужно. Все делают руками: руками выкапывают ямки в нильском иле, кладут туда несколько зерен, остальное завершает солнце и Нил, правильнее сказать, шадуф и сакия, которые работают, не переставая, день и ночь.

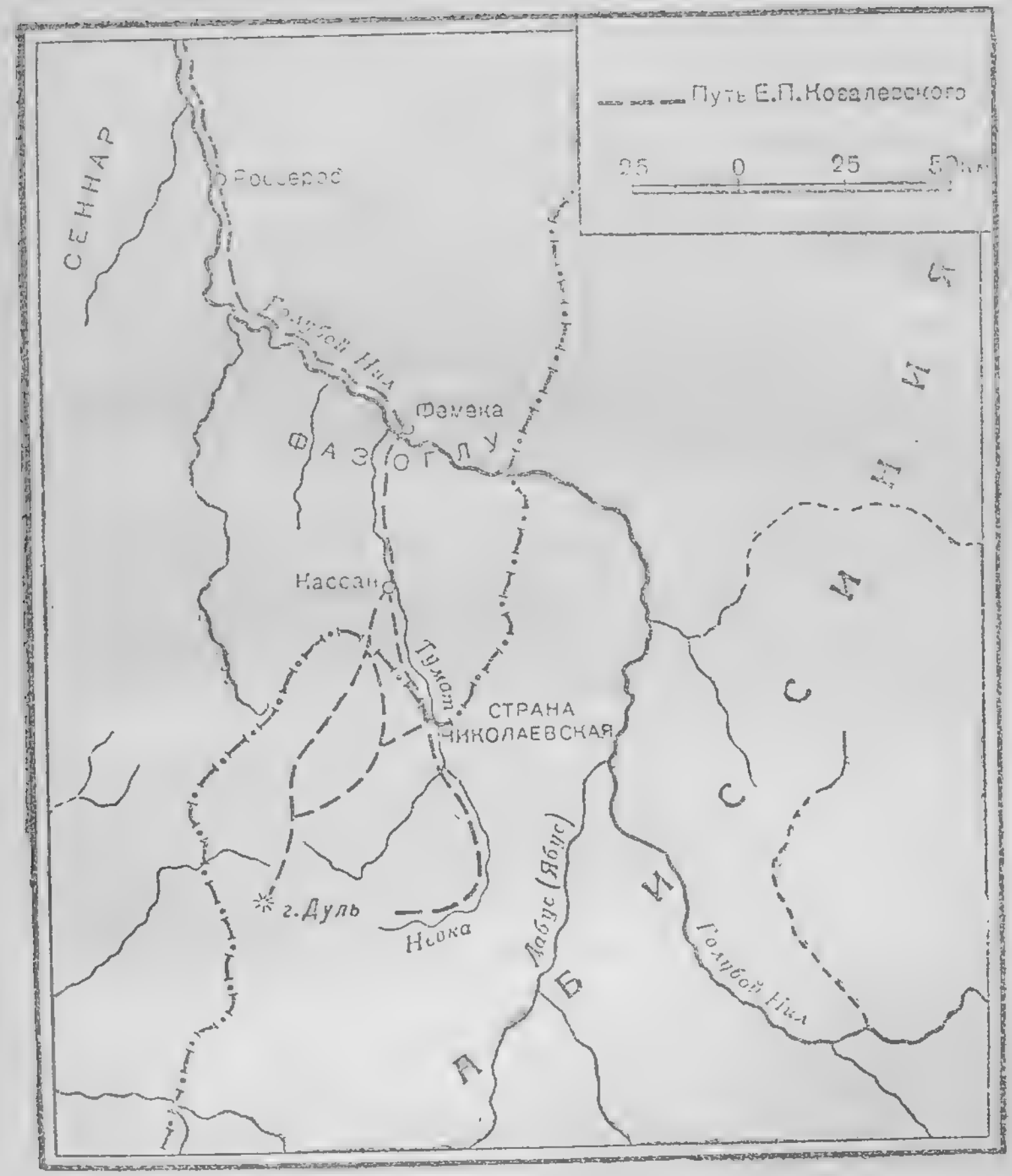
Нил здесь довольно пустынен, редко, не каждый день, можно встретить дахабие, а рыбачьих лодок и совсем не видно. Может быть только поэтому здесь впервые на Ниле увидел Ковалевский крокодила, который был до шести метров длиною. При приближении барок он тотчас же скрылся под водою.

У Келябше караван наших путешественников пересек северный тропик, и дальше путь лежал уже в пределах жаркого пояса.

Несмотря на конец января, солнце в полдень поднималось высоко, и жара с каждым днем становилась все более и более чувствительной.

У Короско Нил круто поворачивает к западу, образуя большую дугу. На ее протяжении до Абу-Гаммеда Нил пересекает три ряда порогов, и поэтому, даже при высокой воде, в период дождей (а они еще не наступили) предпочитают итти напересрез через Нубийскую пустыню. Этим можно сберечь до десяти дней пути, чем если следовать на верблюдах вдоль Нила по всем его изгибам.

Путь через Нубийскую пустыню, одну из самых страшных африканских пустынь, в то время считался безопасным от нападения кочующих там арабов, которые заключили с Мухаммедом Али условие водить и оберегать караваны. Поэтому, долго не раздумывая, Ковалевский решил выгрузиться в Короско на берег и двигаться дальше уже караванным путем на верблюдах.



* * *

1 февраля 1848 г. ранним утром экспедиция двинулась в каменистую Нубийскую пустыню.

Путь был тяжелый. Скалистые возвышенности то теснились одна к другой, то расходились, и караван лавировал между ними, как корабль среди подводных камней. В первый день на пути еще проявлялись кое-какие признаки жизни, хотя и очень жалкие. Изредка встречалась акация с полузасохшими ветками и иглами, неко-

торое время караван сопровождал ворон, в соседней пещере обнаружили следы пребывания гиены... Но на другой уже день пустыня явилась во всем своем величии, правильнее сказать — ужасе разрушения и смерти. Чуть ли не через каждые десять шагов на пути каравана попадались остовы верблюдов и быков. Ни червяка, ни мухи, ни даже иссохшей былинки. Казалось, что здесь никогда не было жизни. Даже самые горы и низменные, одиночные, разбросанные там и сям холмы, до половины занесенные песком, имели вид могил, а безбрежная песчаная равнина, на которой они были расположены, казалась кладбищем.

Солнце жгло, жара доходила до 43° С, а на предстоявшем десятидневном пути вода, да и то горько-соленая, встречалась только в одном месте.

Вчера еще шумный и говорливый караван, подвигался вперед в тишине. Миражи, интересные для путников своей новизною, преследовали их. То до края горизонта расстилались озера, то текли реки среди растительности; яркий свет песков, залитых лучами солнца, слепил глаза. Встречный караван представился издали странными гигантскими колеблющимися фигурами, которые двигались точно по безбрежным водам океана.

Жара вызывает жажду. Но что же должны пить путешественники? На полпути, у горько-соленых колодцев Мурата, кожаные мешки или, как их здесь называют, гербе, были наполнены водою. Но что это была за жидкость на третий день пути от колодцев, можно представить себе по красочному рецепту Ковалевского.

«Возьмите стакан чистой воды, смешайте с ней ложки две грязи, прибавьте соли и часть гнилого яйца, настойте это все на полыни и Вы получили воду, во всем подобную той, которую мы последнее время пили в пустыне».

Ко всему этому нужно прибавить и другие неприятности. Кожа путешественников, не привыкших к жаре и ярким лучам солнца, покрылась большими красными пятнами. Страдания от беспрерывного зуда были невыносимы. Однако это не мешало производству научных наблюдений. В районе колодцев Мурата, Ковалевский рассмотрел находившиеся здесь горные породы. Как оказалось, среди песчаников тут были развиты кристаллические породы, и в песках найдены признаки золота; также были встречены куски горных пород, содержащих медные руды.

Караван шел по двенадцати и по тринадцати часов в день, нигде не останавливаясь. Верблюды не меняли своего ровного, мерного шага от начала дня до конца, от первого привала до последнего.

Немало пришлось услышать Ковалевскому за этот переход всякого рода поверий относительно некоторых названий гор и урочищ. Много услышал он и рассказов о гибели караванов от жажды, иссушающего ветра-самума или хамсина, от потери ориентации...

Опасности путешествия породили здесь своеобразный обычай. По выходе из гор в Нубийскую пустыню, арабы-проводники складывают из камней и песка могилу путешественника и оплакивают его предстоящую гибель заунывным пением и воем. Наблюдающий это будущий покойник бросает им несколько мелких монет, и могильный холмик тотчас же разбрасывается, и все с веселыми песнями и плясками отправляются в путь.

Несмотря на то, что Ковалевский сильно страдал и от жары и от жажды, он систематически вел путевые наблюдения и определял высоты при помощи барометра. Оценивая разные способы противодействия жаре и усталости, Ковалевский с благодарностью вспоминает о чае, этой «благотворной» влаге, спасающей зимой продрогшего до костей путешественника. Оказывается, что и в Нубийской пустыне, где кожа была до того суха, что, казалось, отставала от тела, где голова горела, как в огне, и весь организм был в лихорадке — после двух-трех чашек горячего чаю на теле выступал пот, и сразу наступало облегчение.

Нубийская пустыня, — как говорит Ковалевский, — могила, и могила мертвая, так как в ней нет даже той микроскопической жизни, какая есть во всякой могиле. Отсутствие следов древних построек и поселений убеждало Ковалевского в том, что египтяне не стремились оживить Нубийскую пустыню, так как она не была им нужна. Она лучше и надежнее, чем пороги Сиены, служила им оплотом от набегов эфиопов.

Однако нет-нет и случится, что периодические дожди достигают этих мест, но это бывает редко, — один раз в десять лет, не чаще, по крайней мере во время пребывания Ковалевского не было их шесть лет. Но что делается с пустыней, если дожди пройдут! Зыбучие пески, голые горы, на которых до тех пор не было видно ни пяди наносной земли, равнины — все покрывается зеленью и ку-

старинками. Цистерны и колодцы, высеченные в скалах, вновь наполняются водою, которая сохраняется года два и даже три. Немедленно собираются птицы и другие животные, за ними следуют люди со своими стадами, начинаются столкновения и драки за землю. Но это не надолго. Палящее солнце за два-три месяца вновь иссушает землю, и все превращается в прежнюю пустыню.

«Значит не вечной же смерти обречена эта пустыня!— восклицает Ковалевский. — Если природа так быстро может исторгнуть ее из рук смерти, то и человек, силою труда и времени, может достигнуть этого же».

В этом своем утверждении Ковалевский был безусловно прав, и мы, свидетели и участники грандиозных гидротехнических оросительных сооружений в советской Средней Азии, можем сказать, что на основе новых социалистических форм труда, при плановом хозяйстве, человек может производить огромные изменения географических ландшафтов в интересах народного хозяйства.

* * *

Можно представить себе радость путешественников, когда они наконец 10 февраля, после десятидневного пути по Нубийской пустыне, увидели на горизонте сначала голубоватую полоску — то был Нил, а потом серенькие домики, окруженные рощами финиковых пальм и пальм-дум. Это была деревня Абу-Гаммед, от которой далее путь шел уже вдоль благодатного Нила.

Небольшая деревня Абу-Гаммед, на правом берегу Нила, оживляющаяся приходом и уходом караванов, показалась очень живописной после мертвой Нубийской пустыни. Богатая растительность здесь особенно поражает путешественника. В Египте и Нубии во все времена года можно видеть одновременно яркую зелень, цветы и плоды.

Путешествие от Абу-Гаммеда до Бербера заняло четверо суток караванного пути на верблюдах. Скорость, с которой двигались наши путешественники, требование спешной подготовки верблюдов и караванного снаряжения, поражали местные власти. Но Ковалевскому надо было торопиться к месту работ, в Фазоглу, так как в конце мая уже начинаются зенитальные дожди.

Караван поднимался с места в пять часов утра и останавливался на ночлег в пять или шесть часов вечера. Путешественники ночевали в палатке. Множество ползающих насекомых, скорпионы, тарантулы, змеи и другие ядовитые гады заставляли быть очень осторожными.

В Бербере караванный путь закончился, и начался путь на барках-дахабие.

На другой день после отправления из Бербера миновали устье реки Атбары. Берега Нила несколько изменились. Реже стали встречаться пальмовые рощи, но зато берега и живописные островки густо покрылись акацией. Обработанная полоса земли вдоль берегов стала шире. Барки двигались медленно из-за безветрия — их тащили по берегу от тридцати до сорока арабов, а за ними шел надсмотрщик, вооруженный плетью-курбаши, из кожи гиппопотама. Однако на третий день поднялся попутный ветер, и 20 февраля вся экспедиция прибыла в Хартум, столицу области Сеннар и всего восточного Судана, к месту слияния Белого Нила с Голубым.

Уже за несколько километров до слияния этих двух рек Ковалевский заметил, что воды Нила как бы делились на две струи, которые чем дальше, тем обозначались все яснее и яснее. Вода у левого берега Нила была белого цвета, у правого же голубовато-зеленого. Вода Голубого Нила не такая плистая, как вода Белого, и поэтому жители левого берега часто посылают за водой на правый берег. Это оригинальное явление в жизни реки напомнило Ковалевскому далекую, но родную картину. Бия и Катунь, слившиеся вместе в р. Обь, долго еще мчат свои воды не сливаясь: одна мутные, белые, другая — светлые, прозрачные.

В Хартуме экспедиция позволила себе сделать два дня отдыха. Ведь не надо забывать, что за целый месяц пути наши путешественники нигде не отдыхали. Хартум по-арабски значит «хобот» (подразумевается хобот слона) и получил свое имя от того, что Нил у Хартума изгибается в виде хобота. Глинобитные хижины его жителей были разбросаны довольно живописно и окружены садами. Улицы чистые, в городе большая просторная площадь. Отовсюду видны и Белый и Голубой Нил. После Каира и Александрии Хартум показался едва ли не лучшим городом в Египте. К владениям Мухаммеда Али он был присоединен лет за двадцать пять до приезда

тула Ковалевского. Это — последний пункт на Ниле, где можно приобрести предметы первой необходимости и пополнить запасы.

* *
*

Однако цель экспедиции заставляла спешить и двигаться дальше. 22 февраля 1848 г. Хартум остался уже позади, и дахабие плыли по Голубому Нилу к конечному пункту путешествия.

Снова в воде встречались крокодилы, там и сям на берегах виднелись стада верблюдов и баранов; тамариск, ива, акация и множество ползучих растений придавали берегам вид все более и более дикий. Иногда путешественники видели стада серн и диких ослов, приходивших на водопой.

Небольшая флотилия под русским флагом, впервые развевавшимся в этой стране, быстро неслась при попутном ветре вверх по чистым и светлым водам Голубого Нила. По измерениям Ковалевского, Голубой Нил мчит свои воды со скоростью трех и даже трех с половиной километров в час, в то время как на Ниле эта скорость не более $2^3/_4$ км в час. Большая скорость течения не мешала, однако, баркам то и дело садиться на мель. Проехали Вади-Медану.

На отмелях Нила в это время было множество пернатой дичи. С юга на север тянулись журавли. Вблизи их ночевок нельзя было заснуть от птичьего гама. Тропический мир животных и растений был представлен во всем своем многообразии.

Ковалевский наблюдал здесь оригинальную ловлю обезьян. Под деревом ставят большой жбан с пивом, прибавляя в него меду. Обезьяны с жадностью бросаются на это лакомство, пьянеют, дерутся, буйствуют и, наконец, в полубессознательном состоянии сваливаются с деревьев на землю, где их берут руками, чтобы продать на выбор по шесть копеек за штуку.

«Можно представить себе, — пишет Ковалевский, — их изумление, досаду и гнев, когда они просыпаются в клетке!»

Частые остановки на мелях позволяли иногда ближе полюбоваться здешними ландшафтами, так непохожими на ландшафты Египта. После пустынь Нубии и однообра-

зия Нильской долины в пределах Египта, где человеку все время приходится вести беспрерывную борьбу с песками и солнцем, здесь поражает обилие и мощь растительности. Природа раскинулась здесь широко, «на русский лад», замечает Ковалевский. Высокие, как камыш, травы, дикие яблони, держи-дерево, разнообразные акации, тамариски и все это до того завито лианами, диким виноградом и другими ползучими растениями, что под ними сидишь, как под сводом. Кругом множество разнообразных птиц, среди которых особенно бросаются в глаза попуган и маленькие птички, похожие на колибри. Здешние поля, а тут сеют табак и хлопчатник, не поливают — редко, редко можно встретить за Хартумом сакии, а к Сеннару и совсем их нет. Нет их тяжелого хода, их плачевного воя. И дышится здесь легче и свободнее, не чувствуется так сильно полуденный жар в этой густой чаще. Однако ночевать приходится всем на дахабие: вой гиены, рычанье льва, их тени, мелькавшие там и сям в темноте тропической ночи, — не позволяли путешественникам оставаться на берегу.

«Рев львов и гиен, — пишет Ковалевский, — доходивший почти каждую ночь до нас, заставлял реиса (шкипера) останавливаться у песчаных островов. Мы выигрывали от этой предосторожности и в другом отношении: плотная насыпь песчаной отмели доставляла прекрасное место для прогулки. Только и жили в эту пору: грудь дышит свободно, жадно впивая прохладу ночи, а ночь была всегда звездометная, как бы ни было пасмурно небо днем, кругом совершенная тишина, только рев дикого зверя или всплескивание гиппопотама нарушали ее. Все дико и пустынно, невольно сжимается сердце как-то тоскливо, когда вспомнишь, где и с кем находишься! И сколько таких ночей, — прибавляет Ковалевский, — провели мы на пустынных отмелях Нила, и чего здесь не передумано было».

До деревни Россерос караван барок тянулся две недели. Пользуясь непредвиденными остановками, Ковалевский выходил на берег и даже отправлялся дальше от него в глубь Сеннарского полуострова, т. е. междуречья Голубого и Белого Нила. Это — покатая равнина, наклонная к Нилу и повышающаяся к Абиссинии, сложенная мергелем и конгломератом. Выходил Ковалевский и на правый берег Голубого Нила, но здесь не все было

безопасно. Невдалеке от Серо, у границы с Абиссинией, в это время как раз происходили военные действия — стычки суданских войск с абиссинскими.

В деревне Россерос дахабие пришлось оставить, так как дальше путь по Нилу преграждал порог, и продолжать двигаться уже на верблюдах. Перейдя Нил вброд немного выше Фемаки, караван двинулся к реке Тумат, левому притоку Голубого Нила. Около Россероса уже начинаются предгорья. Зенитальные периодические дожди продолжаются здесь около пяти месяцев, поэтому природа еще роскошнее и разнообразнее. Здесь развертывается она во всей своей красоте. На пути приходилось все время наблюдать чащи, сплошь заросшие лианами и эпифитами и состоящие из пальмы-дум (Hyphaena thebaica), пальмы делеб (Borassus flabelliformis) и баобаба (Adansonia digitata), в изобилии попадалось и черное дерево (Diospiros ebenos).

Река Тумат и область Фазоглу, где можно встретить несколько деревушек под этим названием, и представляли, в сущности, тот район, где Ковалевскому и его спутникам, русским штейгерам, было предложено произвести изыскания и основать золотой прииск. Конец первого этапа путешествия приближался.

* *
*

У города Кери или, как его тогда официально называли, Мухаммед-Али-полиса, Ковалевский покинул долину Голубого Нила и направился к югу по долине реки Тумат.

Тумат делается большой рекой только после зенитальных дождей, а перед их наступлением воды в русле нет совсем, только в толще речных наносов, в песке, на небольшой сравнительно глубине, до 20 см, в это время можно встретить струю свежей воды. Такие долины пересыхающих на время речек так же, как и рытвины, проделанные потоком воды во время периодических дождей, носят название хоров. Дня через два достигли гор Кассана, где Ковалевского ожидал египетский отряд для охраны путешественников, так как в этих местах можно было всегда подвергнуться неожиданному нападению абиссинского племени галла. Долго не раз-

мышляя и не мешкая, наши путешественники приступили к сооружению золотопромывательной фабрики. Работа была нелегкая. Нужно было преодолевать трудности, которые создала природа и, кроме того, невежество и недоверие турецких чиновников. Дело в том, что здесь, в присутствии Мухаммеда Али, в свое время пытались добывать золото, но из этого ничего не вышло. Однако успех Ковалевского и его помощников скоро обозначился и заставил, как он выражается на восточный манер, «положить не палец, а целую руку удивления в рот тех, которые сомневались найти здесь золото». Фабрика работала день и ночь. Исследуя долину р. Тумат, лога и речки ее левой стороны, где, по мнению Ковалевского, были преимущественно золотые россыпи, он одновременно задумал подняться как можно выше по долине р. Тумат, чтобы там, за водоразделом, если не достичь истоков Белого Нила, то, по крайней мере, увидеть, могут ли они там находиться.

Немало энергии потратил Ковалевский на то, чтобы убедить начальника военного отряда в возможности такой экспедиции и в конце концов получил разрешение отправиться.

В лагере «Кассана» Ковалевский встретил своих знакомых египетских инженеров, с которыми он объездил Урал. Одного из них, Дашури, Ковалевский оставил с русскими горняками на устраиваемой золотопромывальной фабрике, а сам вместе с другим инженером, Али-Могамедом, отправился к верховьям Тумата, во главе довольно значительного отряда.

В первую же ночь движения отряда, все горы, куда только достигал взор, покрылись сигнальными огнями. Однако никаких столкновений, к счастью, не было. В отряде тоже не было спокойно. Ночью, на остановках, приходилось охранять лагерь с особой тщательностью, оберегая его от неожиданного нападения. Кругом выставлялась цепь часовых, зажигались огромные костры. Последние, впрочем, были необходимы и для защиты от диких зверей.

Двигаясь по Тумату, Ковалевский не забывал о геологической разведке и здесь нашел второе место, где обилие золота позволяло основать вторую золотопромывательную фабрику. Однако дальнейший путь вверх по течению для всего отряда оказался невозможным из-за

обилия камней, загораживавших дорогу верблюдам и лошадям.

Решили итти дальше пешком под прикрытием небольшого отряда в 300 человек, оставив весь караван в специально устроенном укрепленном лагере.

Природа здесь очень живописна. Горы, среди которых течет Тумат, напомнили Ковалевскому горы Южного Урала. Река завалена огромными камнями, через которые во время половодья с оглушительным ревом мчатся воды. Кругом яркая зелень деревьев. Тут растут: особая порода лимонов, дикий лавр, дерево, напоминающее наш жасмин своими цветами и запахом. В глубоких ямах, частью наполненных водою, под слоем песка и ила можно было найти зарывшихся туда крокодилов, спасавшихся от зноя в сухой период.

Двигаясь все далее и далее на юг, Ковалевский достиг верховьев долины и с небольшой группой бывших здесь негров и арабов, под прикрытием небольшого вооруженного отряда, выбрался на самый водораздельный гребень, чтобы с него рассмотреть всю окрестную страну.

Самой высокой точки водораздела достигли незадолго до захода солнца. Ковалевский пишет, что он с гордостью осматривался вокруг. И действительно, ведь он был здесь первым европейцем-путешественником и первым, проникшим так далеко в пределы современной Абиссинии.

К востоку располагалась обширная, но пустынная страна. Когда-то густо населенная, она теперь была совершенно пуста: все население ее было или истреблено или уведено в рабство абиссинским племенем галла. На этой плоской возвышенности сохранились одни только слоны, которые бродили здесь огромными стадами. Один из спутников Ковалевского видел стадо в 130 слонов!

Ковалевский назвал эту местность на своей карте Николаевской страной, а протекавшую по ней речку, — правда, в это время пересохшую, — рекой Невкой. По его мысли эти названия должны обозначать то место во внутренней Африке, до которого доходили русские.

Дальше, на горизонте, чернели громады Абиссинских гор. Горы виднелись и на западе и на юге. Среди них отчетливо выделялись отдельные пики.

Не удовлетворившись путешествием до верховьев Тумага, Ковалевский предпринял небольшую экспедицию в горы на запад, с целью произвести и здесь геологические исследования, а также посетить крепость Дуль. Желая сократить дорогу, отряд шел, как говорится, напрямик, на-глаз, продираясь сквозь чащу. Здесь путешественники испытали на себе все «прелести» африканского тропического леса.

«Акация и тёрн всевозможных родов, колючки разных видов, созданных именно для того, чтобы рвать платье, а за неимением его кожу людей, загнутые в виде рыболовных крючков, казалось, только ждали нас и, нападая с удивительным ожесточением, впивались до костей в тело», — пишет Ковалевский.

Наступило время зенитальных дождей, солнце не показывалось на небе, сплошь покрытом облаками, воздух был душен и тяжел. Беспокоили отряд ливни: на каждой остановке нужно было устраивать шалаши из веток и травы, «тукули», по местному названию, и покрываться сверху, чем придется. Не раз приходилось промокать до нитки. Однако первые дожди, несмотря на обилие воды, не оставляли на земле заметных следов: сухая почва поглощала воду, как губка, только в ложбинах (хорах), сразу же после дождя были заметны ручейки, но и они скоро исчезали. Большею частью шли пешком, а груз везли ослы.

Путь пролегал, как было сказано выше, среди густой растительности. Чего здесь только не было! Необыкновенных размеров дикие бананы, с огромными плодами, вечно цветущие жасминные деревья, со своим сильным запахом, который далеко чувствуется в душной, раскаленной атмосфере, дикий виноград, дикие сливы, гигантские баобабы, черное дерево, разных видов сикоморы и множество других деревьев, перевитых лианами.

Достигнув крепости Дуль, Ковалевский приступил к геологическим изысканиям.

У подошвы горы Дуль есть месторождения россыпного золота. Тут встречаются правильные кристаллы золота, кубической формы. По арабским преданиям известно, что добыча золота производилась здесь еще во времена египетских фараонов. Наблюдения Ковалевского

показали, что это вполне возможно. Хотя кругом росли уже огромные деревья, местность была сильно изрыта и загромождена отвалами грунта. Интересно, что Ковалевским здесь было найдено старинное орудие, а именно каменное кайло из твердого камня змеевика. Повидимому, россыпи были когда-то богаче, но в значительной степени выработаны еще в древние времена. Не здесь ли находился древний Офир, откуда во времена Соломона получали золото? Ковалевский считает очень вероятным такое предположение.

* * *

Пребывание в Дуле не могло быть продолжительным. Несмотря на радушный прием, надо было возвращаться домой, тем более, что основная цель путешествия была уже достигнута: золото было найдено, разведки показали, что на всем течении р. Тумат и особенно в районе левых его притоков поиски золота целесообразны, фабрика работала полным ходом и, промывая до 700 пудов песку в день, давала ежедневно до тридцати грамм золота, крупнозернистого и очень хорошей пробы. Надо было поскорее уходить ввиду того, что наступал период дождей, при которых, конечно, никакая работа, по крайней мере для европейцев, невозможна. Египетские инженеры оставались работать на устроенной Ковалевским фабрике.

Опять начались сборы в дорогу, снова раздался рев верблюдов, хлопанье кнутов, дикие крики и возгласы на всех языках. Отряд провожал Ковалевского полчаса пути вниз по Тумату. Здесь распростились, и часть отряда продолжала сопровождать караван, часть вернулась обратно в лагерь у Кассана. Вот какова была первая ночь путешествия и последняя ночь пребывания на р. Тумат, по словам Ковалевского.

«Ночь была чудная. Полный месяц светил ярко, и дождевые капли, как фенокиты, блестели на яркой зелени негритянских лимонных деревьев. Природа и здесь развернулась во всей своей экваториальной красе. Воздух был душен от запаха жасминов, покрывавших всю горную долину, где мы раскинули свой лагерь. Огромные костры, разложенные для предохранения каравана от нападения диких зверей, как будто сознательно играли

с лучами месяца, то накидывая тень на чудную картину, смутно развертывающуюся перед нами, то обливая ее ярким светом. Истомленные зноем и трудом, мы жадно вдыхали в себя мягкий влажный воздух, и на душе было легко и весело. Как величаво таинственен в своей тишине этот лес, как живописно отражалась на его темном фоне громадная тень баобаба, как разнообразны предгорья и как разнообразен раскинутый на них лагерь! Как будто душа росла и росла, чтобы достигнуть до великих ее! До сна ли тут было! Я видел поспльщиков, которые, небольшими кучками, просиживали до полуночи, будто и им было жаль расстаться с таким чудным зрелищем».

На пятый день достигли Россероса. Здесь Ковалевский расстался с богаником Л. С. Ценковским, который решил дождаться тут наибольших дождей и рассмотреть здешнюю флору в ее полном развитии. Караван погрузился на дахабие и продолжал путь по Нилу, но уже вниз по течению. Казалось, все было хорошо, но начались болезни. Почти весь экипаж барок и сам Ковалевский заболели, кто лихорадкой, кто кровавым поносом. Особенно страдал сам Ковалевский.

Прибыв в Хартум, Ковалевский чувствовал себя еще не совсем оправившимся от болезни, и поэтому решил не пересекать вновь Большую Нубийскую пустыню, ему уже хорошо знакомую, а пройти левым берегом Нила по Бейудской пустыне к Мерове. Его прельщала «такая возможность увидеть провинцию Египта, Донголу.

Бейудская пустыня вначале очень походила на Большую Нубийскую пустыню: такие же разбросанные утесы песчаников, обожженные, голые, черные выглядывали из наносов белых песков, те же тощие, полузасохшие деревья.

На четвертый день путешествия Ковалевский совершенно ослабел и не мог более держаться на лошади. Пришлось сделать небольшой привал у колодцев Мутэн. Здесь, среди зыбучих песков пустыни, под жалким кустом акации, прикрытый случайно собранным хламом, спасаясь от жары, пролежал Ковалевский шесть дней, прежде чем смог двинуться дальше. Арабы-проводники понесли его на носилках, и через три дня он был доставлен в Мерове, где караван Ковалевского погрузился на ожидавшие его дахабие, которые, подгоняемые те-

ченнем быстро прибывавшего Нила, на третий день доставили его в Новую Донголу. Дальше Нил до самой Вади-Хальфы загромождён порогами, и ни один рейс не брался вести караван барок. После долгих переговоров и убеждений было решено, что караван едет на дахабие до последней возможности, на порогах же барки разгружаются и их спускают на веревках, по берегу же следует караван верблюдов.

Нил здесь широкий, вдвое шире Невы в Ленинграде у здания университета и усеян островами. Первый порог у Даля дахабие прошла на веслах, Ковалевский оставался на палубе и был чрезвычайно доволен переездом. Вода шумела и пенилась среди камней, барки скатывались между ними и тихо выплывали на просторные плёсы, с одной гряды на другую. На следующих порогах переправа шла уже на канатах, и это тянулось очень долго, иногда целый день. Ковалевский решил продолжать путь верхом.

По его словам, Донгола не только живописнейшая провинция Египта, но и одна из наиболее богатых: это сплошной сад финиковых пальм. Природа очень живописна: острова Нила покрыты густыми зарослями пальм, на берегах утесы с развалинами укреплений. Развалин везде очень много, их оставили народы, сменявшие здесь друг друга. Древние египтяне оставили здесь развалины своих огромных храмов, христиане — церкви, монастыри на неприступных горах, обнесенные толстыми стенами из кирпича, с бойницами. Многие развалины их превращены в крепости. На отвесных обрывах там и сям чернеют отверстия пещер.

И среди этих величественных развалин прошлого разбросаны жалкие, еле приметные избушки, слепленные из ила и глины. Ковалевскому удалось здесь сделать ряд интересных наблюдений над обычаями местных жителей. Караван подвигался вперед большей частью ночью. Днем делали привал или под защитой развалин, или в бедной хижине местных жителей. Иногда к каравану присоединялись кочующие арбы.

В Асуане Ковалевского ожидал пароход, специально присланный из Каира, и дальнейшее путешествие на нем, после пустынь Нубии, показалось каким-то волшебным сном.

Проехали древние «стовратые» Фивы. Ковалевский посетил некрополь города, посетил и так называемые

«Колоссы Мемнона», некогда украшавшие собою фасад большого заупокойного храма египетского фараона Аменхотепа III. Далее вниз по Нилу — колоннаду Рамессеума — храма, посвященного фараону Рамзесу II, с его огромной статуей, лежащей среди наступающих песков пустыни, а еще далее Луксор и Карнак с их знаменитыми храмами.

Каир на этот раз встретил наших путешественников неприветливо. В нем свирепствовала холера. Еле добрались до Александрии, так как от холеры на пароходе погиб машинист.

Холера, появившаяся быстро и в Александрии, не позволила Ковалевскому пробыть в этом городе дольше, чем хотелось. Поэтому он воспользовался любезностью Ибрагим-паши, предоставившего в его распоряжение пароход, оставил Александрию и направился в Иерусалим, чтобы посетить Палестину и Сирию, а оттуда уже возвратиться в Россию.

Так закончилось это интересное путешествие, путешествие, впервые познакомившее русских с природой Верхнего Египта, — теперешнего Англо-Египетского Судана и части Абиссинии, на основе впечатлений их соотечественника.

В 1849 г. вышла работа Е. П. Ковалевского — «Путешествие во внутреннюю Африку», написанная чрезвычайно живо и интересно.

* *
*

В заключение необходимо остановиться на кратком изложении некоторых взглядов и наблюдений Е. П. Ковалевского над коренными обитателями внутренних частей Африки, им посещенных. Большое пространство между Белым Нилом и Голубым к югу от слияния их у Хартума, носящее название Сеннарского полуострова, населено различными племенами. Ковалевский, внимательно присматривается к туземцам, наблюдает их нравы и обычаи, испытывает многих из них на практической работе и отзывается о них с большой похвалой. Работа Ковалевского представляет большую ценность для этнографической науки. Ковалевский дал довольно подробное описание материальной и духовной культуры общественного строя ряда африканских племен (галла, динка и др.).

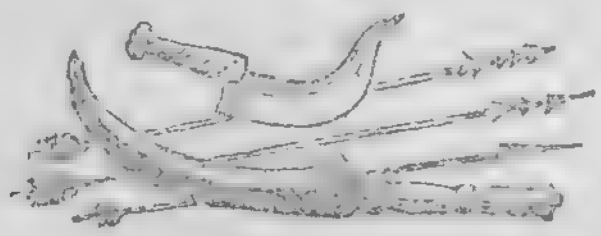
Но самое главное в работе Ковалевского это его критический разбор расистской точки зрения на негров, который до сих пор не утерял своей актуальности.

По его словам, мнение западно-европейских ученых, которые «ставят негра на самой низкой ступени человеческого рода», выявляет «непреклонный эгоизм и самодовольное заблуждение людей, считающих себя привилегированной кастой человечества».

Характеризуя культуру африканских племен, Ковалевский с возмущением опровергает человеконенавистническую клевету на них со стороны западно-европейских и американских расистов. Некоторые особенности и отсталость культуры африканских народов Ковалевский объясняет общественно-историческими причинами. «Мы убедились, что это не причина, а следствие постоянного их угнетения людьми другого цвета — кожи».

«Я защищаю человека, у которого хотят отнять его человеческое достоинство», пишет Ковалевский.

Читая эти строки, написанные сто лет назад, как не вспомнить о современных расистах — американских и английских колонизаторах — и ныне пытающихся оправдывать лжеучеными, человеконенавистническими рассуждениями колониальное порабощение народов Африканского материка.



Василий Васильевич
ЮНКЕР

В. В. ЮНКЕР

В январе 1879 г., на одном из заседаний Русского Географического общества в Петербурге, собравшиеся слушали с огромным интересом доклад одного из своих сочленов, доктора медицины Василия Васильевича Юнкера. Докладчик изложил результаты своего трехлетнего путешествия по экваториальным областям Центральной Африки, проделанного им с конца 1875 г. по середину 1878 г. Маршрут, пройденный Юнкером, собранные им коллекции, мастерски и точно составленные карты, обстоятельное изложение хода всего путешествия и ценные в научном отношении сведения об этой малоизвестной в то время стране сразу же убедили слушателей в том, что перед ними находится недюжинный исследователь — не простой турист-путешественник, поверхностно интересующийся новыми странами с описательной и эстетической стороны, а вдумчивый, уже вполне сформировавшийся научный работник, целеустремленно работающий на избранном им поприще географа-исследователя далекой Африки.

В. В. Юнкер родился в Москве 18 апреля (н. ст.) 1840 г. Первоначальное образование он получил за границей в школах Германии и Швейцарии, некоторое время обучался в петербургской школе Петра и Павла. По окончании среднего образования, он начал изучать медицину в Петербургской Военно-медицинской Академии, затем продолжал учиться в Геттингенском и Берлинском университетах и, наконец, в Юрьевском (ныне Тарту). Получив степень доктора медицины, Юнкер, тем не менее, не занялся врачебной практикой, так как его привлекало иное призвание — географические исследования. Уже

в зрелом возрасте, с 1873 по 1875 гг., он предпринял большое путешествие по Западной Европе, посетил Адриатическое море, побывал в Северной Африке, в Тунисе, Нижнем Египте. Это послужило ему прекрасной школой, подготовившей его к давно задуманному им большому путешествию в Африку. Он хорошо ознакомился с арабским языком, столь нужным для путешествия в экваториальной Африке, близко соприкоснулся с мусульманским миром, его своеобразными нравами и обычаями, и много времени посвятил изучению литературы и техники путешествий. Издатели сочинений Юнкера впоследствии высоко оценивали его работы и, особенно, составленные им карты, свидетельствовавшие о большой добросовестности их составителя.

Окончательное решение приступить к серьезной работе по изучению Африки и выбор района исследований были приняты в 1875 г. после того, как Юнкер на Всемирном географическом конгрессе в Париже встретился с рядом африканских путешественников и обсудил с ними этот вопрос. Районом исследования была выбрана южная часть нынешнего Англо-Египетского Судана, расположенная по левому берегу Белого Нила — малоизвестный в то время султанат Дарфур. Попутно Юнкер решил совершить небольшую экскурсию на запад от дельты Нила в Ливийскую пустыню.

* * *

Экскурсия в Ливийскую пустыню продолжалась месяц и была начата в Александрии, куда Юнкер прибыл из Европы в конце октября 1875 г. После ряда хлопот по снаряжению каравана верблюдов и после получения всех необходимых разрешений от египетских властей, Юнкер уже в середине ноября двинулся на юго-запад по узкой береговой полосе между морем и Мареотийским озером. Путь сначала пролегал между песчаными дюнами морского берега и сухой степью, правильнее полупустыней, покрытой сухолюбивыми кустарниками и жесткой травой. Только около редко встречающихся колодцев можно было видеть сильно страдающие от зноя финиковые пальмы и фиговые деревья. Желая выяснить вопрос о существовании здесь древнего русла Нила, Юнкер прошел 80 км на запад и окончательно опроверг это

предположение. Одновременно ему удалось убедиться в том, что встречающиеся здесь оазисы лежат выше уровня моря, а не ниже, как это полагали до него. Значительно позже проведенные здесь исследования показали, что в Ливийской пустыне, юго-западнее района, посещенного Юнкером, в оазисе Сива и восточнее его есть места, лежащие на 134 м ниже уровня моря.

Путь по пескам Ливийской пустыни оказался очень трудным. Днем караван изнывал от жажды и палящего зноя, а по утрам температура воздуха снижалась до 8 и даже до 6°, и бедуины-проводники погонщики верблюдов еще до рассвета зажигали костры и грелись около них. Днем поиски воды приводили путешественников к колодцам, часто очень глубоким, около которых всегда теснились кочевые племена бедуинов с их стадами.

Хотя пустыня только местами покрыта растительностью, и притом очень скудной, животный мир ее не так беден, как это можно было бы ожидать. Почти везде встречаются многочисленные норы мохноногого сипегого тушканчика, среди каменистых утесов и в древних развалинах гнездится ливийский голубь, в песках там и сям взлетает испуганный караваном рябок, высоко в воздухе можно наблюдать сокола и коршуна. Кое-где встречалась скорлупа страусовых яиц. Нет, нет, а иногда пробежит длинноухий фенек — пустынная лисица.

Кочующие здесь бедуины-гавази встретили путешественника дружелюбно, и ему удалось произвести некоторые этнографические наблюдения. Юнкер полагает, что кочующие в Ливийской пустыне бедуины находятся уже в переходном состоянии от кочевого быта к оседлому. У озера Мареотис они располагают свои посевы, у богатых водою колодцев они имеют огороды. Воинственные и независимые когда-то, они были в свое время покорены правителем Египта Мухаммедом Али (1805—1849 гг.), который разрешил им брать вознаграждение от караванов, проходящих по отведенным им землям.

Привлекали внимание Юнкера и встречающиеся здесь в изобилии развалины древних сооружений и, в особенности, коптские монастыри. Это были огромные, неуклюжие четырехугольные здания, с покатыми стенами. Внутри они представляли лабиринт многочисленных комнат, коридоров, часовен. С большим недоверием монахи впускали к себе путников. В этих монастырях,

основанных еще в первые века христианства, встречается не мало интересных исторических документов, главным образом, рукописей на коптском и арабском языках, но хранятся они очень небрежно и часто от этого теряют свою научную ценность.

От оазиса Файюм до Нила, вдоль канала Иосифа, ведущего к Нилу, дорога была прекрасной. Это было подобие роскошного сада с каналами, наполненными нильской водой. Кругом плантации хлопчатника, сахарного тростника, винограда, маслин. Там и сям разбросаны апельсинные и лимонные рощицы.

Дойдя до Мединет-эль-Файюм, Юнкер по железной дороге выехал в Каир и здесь изложил в кратком докладе, в местном географическом обществе, результаты своих исследований. В это время правителем Египта был Измаил-паша, незадолго до этого получивший титул хедива (как раз при нем был построен Суэцкий канал французским инженером Ф. Лессепсом). Юнкер был принят, между прочим, и хедивом, который дал ему разрешение путешествовать по всем областям, подвластным Египту, и приказал выдать ему все нужные для этого документы. Весь январь 1876 г. прошел у Юнкера в деятельных приготовлениях к новому путешествию, уже в глубь Африки.

* * *

Отправиться в глубь Судана было решено из города Суакин, лежащего на побережье Красного моря. Это давало возможность обследовать совершенно неизвестную тогда долину р. Барака и путь от Суакина до Кассалы и далее до Хартума у слияния Белого Нила с Голубым. От Каира до Суэца Юнкер проехал по железной дороге, а оттуда отправился морем сначала в Джедду на побережье Аравии, служащей портом Мекки — священного города всех мусульман, а далее до Суакина. Последнее плавание — через Красное море — Юнкер совершил на парусной барке. Выдерживая карантин вблизи Суакина на маленьком островке, Юнкер с большим интересом наблюдал подводный мир кораллов и других животных Красного моря.

Город Суакин, расположенный на острове, является гаванью Судана. В предместьях города живут бедуинские племена хадендоа, из которых надо было выбрать про-

водников каравана и вожаков верблюдов. Бродя по улицам оживленного предместья города, Юнкер мог наблюдать жизнь его населения, протекающую на улице. Ремесленники разных специальностей — оружейники, кожевенники, серебряных дел мастера и другие, шумно выполняют свою работу.

Молодые франты-бедуины налаживают здесь у многочисленных парикмахеров свои изумительные прически. Длинные и курчавые черные волосы пропитывают бараньим салом и посыпают разноцветными минеральными красками. Часть волос в виде копны торчит кверху и в нее втыкается роговая или костяная игла, часть, заплетенная в многочисленные косички, свешивается до плеч. На теле, особенно на правом плече и лопатке множество шрамов. Это — следы ударов бича из кожи гиппопотама, полученные на своеобразных поединках, которые происходят между молодыми людьми, желающими добиться почетного звания «брата (т. е. защитника и избранника) девушек».

Караван Юнкера состоял из десяти верблюдов. На первом ехал вожак — стройный и крепкий юноша, фигура которого своим правильным сложением напоминала бронзовую статую. Юнкер ехал на ослике. На одном из верблюдов — препаратор Копп, нанятый Юнкером в Каире. Бедуины были вооружены копьями, у некоторых имелся щит из шкуры носорога и длинный обоюдоострый меч в кожаных ножнах. На последних двух верблюдах везли ружья.

Караван двигался сначала по пустынной местности от оазиса к оазису, пересекая русла временных потоков, вода в которых бывала только во время дождей. Русло реки Барака, по которому в дальнейшем проходил путь, было безводным, но вода просачивалась, как и во многих других африканских реках этих районов, в толще речных наносов. Спустившись с отлогого берега, высотою от 4 до 6 м, караван направился по ровному дну долины, усыпанному плотным песком и представлявшим очень удобную дорогу, шириною от 35 до 60 м. В начале пути берега были окаймлены густыми зарослями тамариска, которые вместе с другими деревьями, густо перевитыми лианами, представляют местами почти непроницаемую чащу. В этой тенистой чаще гнездится масса птиц, среди которых особенно выделяется египетский голубь-хохо-

тун. Но уже со второго дня путешествия зелень начала редеть, появились поля, засеянные дурро́й, песчаное русло стало илистым. Там, где крутые склоны горных цепей Сотай и Дшаэб близко подходят к долине, стали появляться павианы. Стадами, до ста и более штук, они карабкались по склонам и быстро скрывались, увидев двигающийся караван. Встречались кое-где и газели. Ночью путешественников раздражали неприятный вой многочисленных шакалов, пронзительный лай гиен. Свежие львиные следы заставляли путников всю ночь поддерживать яркие костры, чтобы отпугнуть хищников. Здесь в первый раз Юнкер увидел слона; это была самка, которая прошла в недалеком расстоянии, подталкивая хоботом своего детеныша.

Растительность все больше изменялась. Понемногу стали исчезать заросли тамарисков, начали появляться все в большем и большем числе пальмы-дум и гигантские баобабы до 14,5 м в обхвате. Свернув из долины Бараки на запад, по направлению к Кассале, Юнкер пересек сухую степь, где пришлось немало страдать от жажды и жары и наблюдать миражи или, как их называют бедуины, «моря дьявола».

Кассала — столица провинции Така. Это — торговый город, с фабрикой для очистки хлопка. С Суакином и Массауа он соединен телеграфной линией. В окрестностях успешно возделывают зерновые хлеба, хлопчатник, имеются хорошие пастбища. Особенно много здесь разнообразных диких животных, и поэтому область Така — прекрасное место для ловли зверей, отправляемых из Кассалы в зоологические сады и зверинцы Европы и Америки.

* *
*

В начале апреля 1876 г. небольшой караван Юнкера, вожаками которого были бедуины-шукурие, выступил из пыльного и душного города. Хотя дождливый период еще не начался, но уже в первые дни путешествия страшно докучали ливни, и не раз Юнкер промокал, буквально, до костей. Если бы не шерстяная рубаха, которую он носил в походе, ему пришлось бы плохо. Путь проходил то через необозримые саванны, почва которых была местами совершенно голая, так как высохшие травы были совершенно развеяны ветром, то через леса мимоз. Мимоза,

по словам Юнкера, настоящее дитя пустыни: она почти безлистна, ее обнаженные ветки не дают тени, а острые, как иглы, и крепкие, как железо, колючки долго не забываются теми, кому пришлось пробираться через их заросли.

На пути встречались многочисленные караваны, и у колодцев скоплялись тысячи верблюдов. Приближающийся дождливый период заставлял торговцев перевозить запасы смолы-гуммн, хлопка и кофе в склады городов, отправлять на север излишки дурры.

Пересекли русло р. Атбары, правого притока Нила, вброд, — в дождливую пору это не удалось бы, ибо тогда Атбара становится мощной рекой, достигающей до 200 м ширины. По дороге попадалось не мало хижин кочующих здесь бедуинов-шукурие, но они были большею частью покинуты своими обитателями, которые в это время года откочевывали со своими стадами на север, где нет ядовитых мух, появляющихся вместе с дождями.

В Гедарефе, крупном центре торговли скотом, Юнкер наблюдал красивых быков местной породы, которые служат для верховой езды, а также являются выючными животными.

Путь далее, до Хартума, шел по пустынной и безводной местности. Сильные колебания суточной температуры воздуха сильно беспокоили путников. Юнкер наблюдал здесь собакоголовых обезьян-бабуинов.

После населенного пункта Абу Харас путь пролегал уже вдоль берега Голубого Нила, столь благодатного для Египта своими половодьями. Отсюда уже недалеко до Хартума.

* *
*

В Хартуме Юнкер провел два месяца, занимаясь обработкой своих дневников и приводя в порядок собранные им этнографические коллекции. Сопровождавший его помощник сначала коллектировал животных, главным образом птиц, в окрестностях Хартума, а затем отправился вверх по Нилу, откуда через два месяца привез богатую добычу.

Случайно Юнкеру удалось, воспользовавшись приглашением местных властей, проехаться вверх по Голубому Нилу до Сеннара на благоустроенном пароходе. В это время года Голубой Нил еще маловоден и на нем встре-

чается много мелей и островков. Здесь много крокодилов, и Юнкеру посчастливилось видеть близко охоту на этих пресмыкающихся. Один из них, раненный пулями, был даже втащен на палубу парохода, где был добит топорами.

Другой случай дал возможность Юнкеру побывать на р. Собат — притоке Белого Нила, причем эта поездка была совершена им также на пароходе. В это время года Белый Нил мало похож на реку. Это — скорее цепь озер, соединенных протоками. При многодневном путешествии по Нилу, берега его кажутся, в общем, однообразными, но для путешественника, впервые попавшего сюда, эти картины очень интересны и все время привлекают внимание. В одном месте он видит массу разнообразных птиц, весело порхающих среди зарослей камыша, в другом — гиппопотамов — огромных и неуклюжих животных, выставляющих на утренние лучи солнца свои толстые спины; на плоских берегах, кажущихся безграничными, мелькают стада боязливых антилоп и жирафов, которые при приближении парохода еще более вытягивают свои длинные шеи, а еще дальше можно увидеть страуса. На больших деревьях, в береговых зарослях, прыгают обезьяны, стаями порхают попугаи, тут же прожорливые корморапы сидят с распростертыми крыльями и напоминают орлов на старых гербах. Навстречу пароходу то и дело попадаются плавучие островки из плотно сбитой травы. Это — «седд», он трется о борта парохода со своеобразным шорохом. Загромождая реку, эти плавучие острова иногда надолго прекращают судоходство. Высоко поднимающиеся стебли папируса переносят воображение на много веков назад, к тем временам, когда на его спресованных стеблях запечатлевались древнейшие сказания и предания людей.

Однако, если на Белом Ниле Юнкер преимущественно созерцал картины природы, то на р. Собат начались строго научные наблюдения, тем более, что эта река еще не была хорошо известна. Юнкеру удалось произвести тщательные измерения направления русла этой реки и составить карту, которая серьезным образом исправляла сделанные ранее. Также были описаны берега, сделаны наблюдения над режимом воды. Вначале река течет среди густой чащи леса, потом леса сменяют саванны, а в конце пути, у Насира, опять встречается богатая лесная расти-

тельность. Это уже непроходимые чащи из разных деревьев, сплошь обвитых ползучими растениями.

Немногочисленные поселения племени шиллук местами несколько разнообразят эту картину. Среди зарослей деревьев то там, то сям выглядывают куполообразные крыши их построек. На реке можно встретить и самих жителей этих мест на оригинальных плотах, напоминающих гондолы, из стволов необычайно легкого дерева — амбага.

Юнкер пытался ближе познакомиться с туземцами. В деревне племени нуаков он был дружелюбно принят местным вождем. Мужское население ходило голым, но имело много украшений: цветных бус, браслетов и ожерелий, иногда из слоновой кости. Волосы или обстригались наголо, или окрашивались в красный цвет. Кое-кто был татуирован грубыми рубцами на груди и на животе. Вооружение состояло из нескольких копий и тяжелой палицы. Женщины были менее нарядны, но носили в верхней и нижней губе по кусочку камыша. Решительно все курили трубки. Юнкеру были предложены подарки в виде оружия, шкур животных, козы и даже живой коровы. Он, со своей стороны, отдарил их чем мог.

Юнкеру не удалось проехать дальше, так как цель поездки — погрузка корабельного леса была выполнена, и пароход возвращался обратно. Поэтому в ноябре 1876 г. он вернулся в Хартум, где должен был получить пропуск в Дарфур.

* * *

Задержка в получении необходимых для путешествия документов, а также полученные сведения, что за последнее время область Дарфур довольно подробно была обследована экспедицией египетского генерального штаба, заставили Юнкера переменить свое первоначальное намерение. Юнкер решил отправиться пароходом по Белому Нилу до Ладо́, а отсюда уже начать свое новое путешествие.

Дорога до устья р. Собат уже была знакома Юнкеру, но после нее начиналась неизвестная местность. Белый Нил течет здесь по низменной равнине, делая изгибы, оба берега заросли камышом и папирусом, местами пароход с трудом пробивался через небольшие плавучие острова, которые запружали реку, иногда перегораживая ее от

берега до берега. Уже с начала этого путешествия Юнкер стал свидетелем страшной картины грабительских набегов на местное население, совершавшихся солдатами египетского хедива. На одной из станций, начальник ее, «мудир», воспользовался присутствием войск на пароходе и произвел набег на соседнюю деревушку, захватив пленников и провиант в виде запасов дурры. Понятно, что жители остальных деревень тотчас скрывались, как только появлялся пароход.

Прибыв в Ладо, Юнкер предполагал направиться оттуда в земли племени макарака, и для этого должен был ждать в Ладо ожидаемый оттуда транспорт слоновой кости и двинуться в путь с возвращающимися носильщиками. Это ожидание продолжалось два месяца, и Юнкеру удалось провести ряд наблюдений над племенем бари.

В конце января 1877 г караван, к которому присоединился Юнкер со своим помощником, выступил в путь.

Путь каравана пролегал по саванне, холмистая равнина была покрыта травой и отдельно стоящими группами деревьев. Попадались и возделанные поля. Небольшая задержка каравана в одном месте позволила Юнкеру совершить кратковременную экскурсию к горячим источникам Рилык, которые лежат в живописной горной местности. Температура этих источников доходит до 56°.

Юнкер избрал своим местопребыванием населенный пункт Кабаенди, из которого совершил несколько довольно продолжительных экскурсий по близлежащим местам.

Пребывание Юнкера в области Макарака дало ему возможность самым тщательным образом обследовать эту местность, представляющую часть водоразделького пространства левых притоков Белого Нила, р. Конго и ее правых притоков. Затруднения с продовольствием, страдания от многочисленных насекомых, различные кожные заболевания, особенно чесотка, изнурительная лихорадка, непривычные для европейца климатические условия, — не лишили Юнкера мужества, и он работал не покладая рук. Ему удалось собрать значительные этнографические коллекции, составить карту посещенных им местностей, записать небольшой словарь языка мунду.

Наконец Юнкер решил закончить свою работу и, вернувшись в Ладо на Нил, выехал обратно в Хартум. Здесь

он упаковал свои многочисленные коллекции и направился сначала через Бейдскую пустыню, затем вдоль Нила до Вади-Хальфа караванным путем. Отсюда он проехал сначала на барке, а потом по железной дороге до Каира, откуда возвратился на родину, в Петербург.

Так закончилось трехлетнее пребывание Юнкера в экваториальных областях Центральной Африки. Материалы, полученные Юнкером в результате этого путешествия, превысили все его ожидания, особенно если принять во внимание, что местность, им посещенная, считалась и оказалась на самом деле одною из самых неизученных местностей земного шара.

Богатые этнографические коллекции, вывезенные Юнкером из этого путешествия, поступили в Музей Антропологии и Этнографии Академии наук и представляют большую ценность и теперь для всех тех, кто изучает материальную культуру племен Центральной Африки.

* * *

Конец 1879 г. застает Юнкера снова в Александрии, куда он прибыл, направляясь в свое второе путешествие в Экваториальную Африку. Это путешествие, по ряду случайных причин, затянулось на семь лет, и только в самом начале 1888 г. Юнкер смог вернуться в Россию после очень тяжелых испытаний, потеряв все собранные им коллекции и сохранив только свои дневники.

На этот раз Юнкеру немало пришлось потрудиться и походить по разным канцеляриям, прежде чем он смог получить от правительственных чиновников нужные ему пропуски. Так же, как и в прошлый раз, Юнкер взял себе помощника. Это был Бондорф, который уже несколько лет работал в Африке и был хорошо знаком с местными условиями.

Из столицы Египта, Каира, Юнкер отправился в Суэц по железной дороге, а оттуда в Суакин. Отсюда он решил пробраться в Хартум, но не по известному ему уже пути через Кассалу, а через Бербер — город на Ниле. Путь до Бербера не представлял собою чего-либо особенного и напоминал путь от Кассалы до Атбары. Только ночи были сырые и прохладные (был конец декабря) и на стоянках даже надо было тепло одеваться. В Бербере Юнкер сел на пароход и направился в Хартум. Всю до-

рогу его мучила лихорадка. В Хартуме, торжественно отпраздновав с некоторыми знакомыми ему тем европейцами Новый, 1880, год, Юнкер старался вниз по Белому Нилу с целью добраться до Ладо, а оттуда, через земли Макарака, к реке Уэле.

Однако верхнее течение Белого Нила, или Бахр-эль-Джебеля, так было загромождено плавучими массами травы — «седдом», что, несмотря на то, что над их устранением работало несколько пароходов, пробраться дальше устья р. Собат не было никакой возможности. Поэтому Юнкеру пришлось отказаться от первоначального плана, и он решил проехать на пароходе по Бахр-эль-Газалю до Мешра-эр-Рек, чтобы оттуда уже двинуться сухим путем в страны племени азанде.

Путешествие по Бахр-эль-Газалю также не оказалось легким. Пароход «Испанлия», на котором ехал Юнкер, все время должен был пробиваться через огромные плавучие скопления травы. До суток иногда бился пароход на одном месте, прорезая «седд», скопления которого иногда превышали по ширине 1 километр.

Картина, развертывающаяся перед путешественником, была довольно однообразна. Всюду необозримое пространство вод, однообразное море трав, из которых в иных местах выглядывали заросли папируса и купы деревьев. Там, где были места посуше, можно было рассмотреть кустарники и терминные бугры. Редко-редко можно было встретить поселки негров. Среди зарослей трав, в протоках реки, масса цветов и повсюду птицы. В некоторых местах течения воды совсем не было заметно и казалось, что все пространство представляет огромное скопление стоячей воды и трав.

Из Мешра-эр-Рек Юнкер двинулся пешком, но местами его тащили в лодке рослый негр племени динка, так как путь пролегал по болотам и зарослям тростника.

Лишь только кончилось мучительное путешествие по болотам и топям, как на сухих местах начались страдания от недостатка воды. Тут путь шел саванной — обширными травянистыми равнинами, с разбросанными по ним отдельными группами деревьев. Постоянно попадались антилопы, жирафы и страусы, а также бесчисленные стада цесарок.

Прибыв в Джур-Гаттас, Юнкер решил направиться на запад, посетить одного из вождей племени азанде

Ндоруму, и через его страну и область Мангбатту пройти на реку Уэле.

Сперва, следуя установленному обычаю, Юнкер отправил к Ндоруме своих посланных, которые оповестили бы о личности путешественника и, что было особенно важно, обратили бы его внимание на то, что Юнкер путешествует без военного конвоя. Только после прибытия ответных посланных можно было двигаться дальше. Ндорума, опасаясь Юнкера, как всякого европейского путешественника, сам вышел навстречу ему, чтобы лично познакомиться с ним и увидеть, что представляют собою его спутники. После этого он тотчас вернулся обратно, чтобы, по его словам, успокоить своих подданных относительно целей Юнкера.

Юнкер предполагал прожить некоторое время во владениях Ндорумы, чтобы здесь произвести ряд наблюдений, тем более, что он был первым европейцем, который вступил в эту страну.

Когда Юнкер прибыл к Ндоруме, приближался период сильных тропических дождей. Так как вождь желал удержать Юнкера как можно дольше в своих владениях, пришлось приступить к сооружению прочной станции. При помощи сотен работников, назначенных для этого Ндорумою, удалось соорудить хорошее и надежное жилище. Хижины для жилья и хранения имущества экспедиции были окружены со всех сторон общим частоколом. С внешней стороны он был добавочно окружен колючими ветками кустарников. Все это делалось для защиты от частых в этих местах нападений леопардов. Нередко леопарды похищали женщин, в особенности тогда, когда они в сумерки отправлялись за пределы селения за водою. Такой случай произошел и при Юнкере вблизи его станции, причем леопард сожрал только половину своей жертвы, а остальную оставил на месте. На следующий день он был пойман в капкан, причем приманкою служила отрезанная рука его жертвы. Леопарды по большей части возвращаются, и даже несколько дней подряд, на то место, где они перед этим захватили добычу. Имея это в виду, местные жители, для поимки хищников, тотчас после растерзания ими жертвы, устраивают на этом же месте небольшую, но крепкую хижину и помещают в ней приманку под опускающимся бревном и, таким образом, ловят много леопардов. Львы, которые тоже встречаются

здесь, в капканы не попадаются, так как они охотятся за своей добычей в местностях, богатых дичью, и особенно предпочитают буйволов и антилоп. На человека лев нападает только там, где нет этих животных. Часто можно было видеть львиных, окруженных со всех сторон сетью; таких хижин, как и капканов, лев избегает.

По мнению Юнкера, охота в Центральной Африке чрезвычайно затруднительна, так как земля почти девять месяцев покрыта роскошно растущими высокими злаками, острыми, режущими, стволы которых часто так же толсты, как тростник. Подобные злаки представляют также весьма значительные затруднения для передвижения в период дождей и некоторое время после их окончания, пока трава не высыхает от действия солнечных лучей настолько, что становится возможным приступить к ее выжиганию. До этого времени единственными дорогами служат узкие, протоптанные людьми или же дикими зверями, тропинки, которые до того стеснены с обеих сторон травою, что внизу негде поставить ногу, а наверху, на высоте человеческого роста, верхушки трав сходятся наподобие свода. Путник не видит, а «слышит» идущих впереди и сзади спутников.

Интересно наблюдать выжигание травы, которое производится чуть ли не во всей Африке, и обычно бывает в декабре и январе, когда прекращаются тропические ливни. В это время, как и при наступлении первых дождей, когда новая трава только начинает отрастать, охота становится гораздо удобнее. Те местности, которые для нее выделяются, общему выжиганию не подвергаются, наоборот, даже усиленно охраняются от огня. Различные животные, в том числе и слоны, спасаются сюда. Выследив их, туземцы зажигают траву одновременно с нескольких сторон.

Испуганные слоны, охраняя своих детенышей, остаются при них, обжигают себе ноги и поэтому легче поддаются копьям охотников.

«Странные и противоречивые чувства, — пишет Юнкер, — волнуют душу при виде этих обширных степных пожаров, которые, в темную ночь, представляют величественное, но, вместе с тем, страшное зрелище. Какая огромная сумма животной жизни уничтожается при этом без всякой цели! Целый мир низших животных погибает в огне. Миллионы саранчи и других крылатых насекомых,

вспугнутые приближающимся огнем, спешат спастись, но большинство их пожирается насекомоядными птицами, собирающимися тут массами в дыму над горящей степью и быстро схватывающими богатую добычу. Над всей этой картиной истребления целые стаи хищных птиц, в особенности эти коршуны, описывают свои широкие круги, высматривая за линией огня и самых мышей и небольших змей».

В экваториальных областях Африки самая лучшая пора для путешествий — месяцы засухи, т. е. период с декабря по март или даже не апрель. В это время трава не так высока, и путешествие возможно даже в стороне от дорог. Когда же трава подрастет, то путник, особенно в ранние утренние часы, промокает насквозь от обильной росы, покрывающей траву.

К полудню возрастающая жара превращает прилипшую одежду в своеобразный согревающий компресс, который вызывает нестерпимый зуд. Раздражение кожи становится настолько сильным, что на ногах появляются раны. Не избежал этого и Юнкер.

* * *

Устройство станции в резиденции Ндорумы не означало, что Юнкер решил долго прожить в сравнительно спокойной обстановке. Тихая, безмятежная жизнь, по словам Юнкера, не входила в программу его путешествий. Организация станции была нужна для обеспечения сохранности вещей и людей — спутников путешественника. За два месяца жизни у Ндорумы Юнкер сумел завязать дружелюбные отношения почти со всеми ближайшими вождями племени азанде и, оставив Бондорфа на станции для сбора зоологических коллекций, он, во главе небольшого каравана в 20 носильщиков, отправился в путь. Юнкер обошел вокруг всех владений Ндорумы, подошел к р. Уэле, переправился через нее, достиг Мангбатту, и снова перешел через р. Уэле. Путешествие заняло четыре месяца. Во время этого путешествия Юнкеру приходилось играть роль миротворца между враждующими племенами. Так ему удалось воспрепятствовать войне между племенами мангбатту и абармбо, а также между Ндорумою и вождем племени азанде Бинзои.

Вернувшись на свою станцию во владения Ндорумы в декабре 1880 г., Юнкер тотчас же предпринимает новое путешествие, так как наступило лучшее для этого время года. Юнкер предполагал совершить ряд экспедиций к соседним племенам, которые уже много раз приглашали его к себе. Вначале он направился в земли племени амади, перешел через р. Уэле, но был вынужден здесь задержаться. Неприятели, похитив часть багажа экспедиции, скрылись, и два месяца Юнкер жил в наскоро построенных хижинах, с трудом находя пропитание для себя и своих слуг и все время пребывая в тревожном состоянии, опасаясь нападения. В конце концов предприятие не удалось, и Юнкеру пришлось при помощи дружественного ему вождя Сасы из племени азанде снова перейти обратно через р. Уэле и остановиться на земле племени амади, ожидая лучшего случая. Бондорф же был направлен со всем багажом во владения Сасы, где ему было поручено устроить станцию.

Конец 1881 г. и половину 1882 г. Юнкер посвятил ряду круговых маршрутов к югу от р. Уэле и ее притока Бомоканди. Это дало ему возможность внести значительные исправления в карты некоторых участков этой местности, составленные до него итальянским путешественником Мани.

Найдя радушный прием у местных племен азанде, Юнкер имел возможность произвести интересные этнографические наблюдения. Очень понравилась Юнкеру африканская музыка. Изобретенный азанде инструмент ударного типа, называемый «маримба», очень совершенен, на нем можно извлекать по четыре звука сразу, ударяя палочками по небольшим дощечкам, снабженным резонаторами. Имеются также струнные инструменты, наподобие арф и гитар, под аккомпанемент которых негры воспевают подвиги своих героев.

Одежда женщин очень примитивна и сделана из древесной коры, но ее недостаток восполняется раскраской всего тела. Обыкновенно раскрашивают себя разными симметричными линиями, правильными квадратами или кружками. Узоры очень разнообразны и, по словам Юнкера, тело знатной женщины из племени Мангбатту нередко можно уподобить трехцветному паркету. Эта раскраска, а также изготовление причесок из высоко взбитых волос, занимает у женщин очень много времени.

Женщины племени мангбатту пользуются большой свободой и участвуют даже в мужских собраниях.

Странствования привели Юнкера на северную окраину великого африканского леса. Пройдя тяжелые испытания в предыдущих своих экскурсиях, когда ему приходилось итти то по степи, изнывая от жары и жажды, то по бесконечным топям и болотам, Юнкер отдыхал в тени и прохладе леса. Все же лес был довольно однообразен, так как среди высоких и мощных деревьев и сравнительно слабого подлеска нет такого обилия лиан и листвы, как это имелось у тех галлерейных лесов, которые Юнкер видел ранее, например, в стране амади. Там лес состоит из отдельных деревьев-великанов растительного царства, окруженных зарослями низкорослого и даже кустарникового леса. Света и тепла здесь больше, чем в обычном тропическом лесу, и всякие ползучие и вьющиеся растения необычайно обильны. Как зеленый ковер расстилается поверхность подлеска и кустарников. Там, где деревья стоят ближе друг к другу, внизу царит полумрак, а наверху у крон деревьев роскошная листва лиан образует живописные беседки. Тут раздолье обезьянам-шимпанзе, которые устраивают здесь свои гнезда из веток, сучьев и листьев, тут можно встретить и гнезда муравьев, которые свешиваются с веток. Они слеплены из глины и листьев.

Однако этот период путешествия Юнкера оказался самым тяжелым за все время пребывания его в Африке. Непривычный к местной пище и лишенный своих запасов, Юнкер страдал от недостатка питания и частых болезней. Чесотка, сыпь на теле, раны на ногах не заживали месяцами и сильно мучили его. Повязки и бинты, постоянно промокавшие, еще более раздражали кожу. О лекарствах, конечно, и речи быть не могло и единственно чем Юнкер мог несколько облегчить свои страдания — это были горячие и холодные припарки, которые он постоянно себе делал, меняя их.

Путешествуя к югу от р. Бомоканди, Юнкеру удалось, при помощи своих проводников, встретиться с низкорослым племенем акка, или тикки-тыкки *. Они жили в густой чаще леса, в небольших травяных хижинах, бродя с места на место. Хотя они очень боязливы и недовер-

---

* Их называют иногда пигмеями. Причина в том, что рост их, в среднем у мужчин, не достигает 150 см.

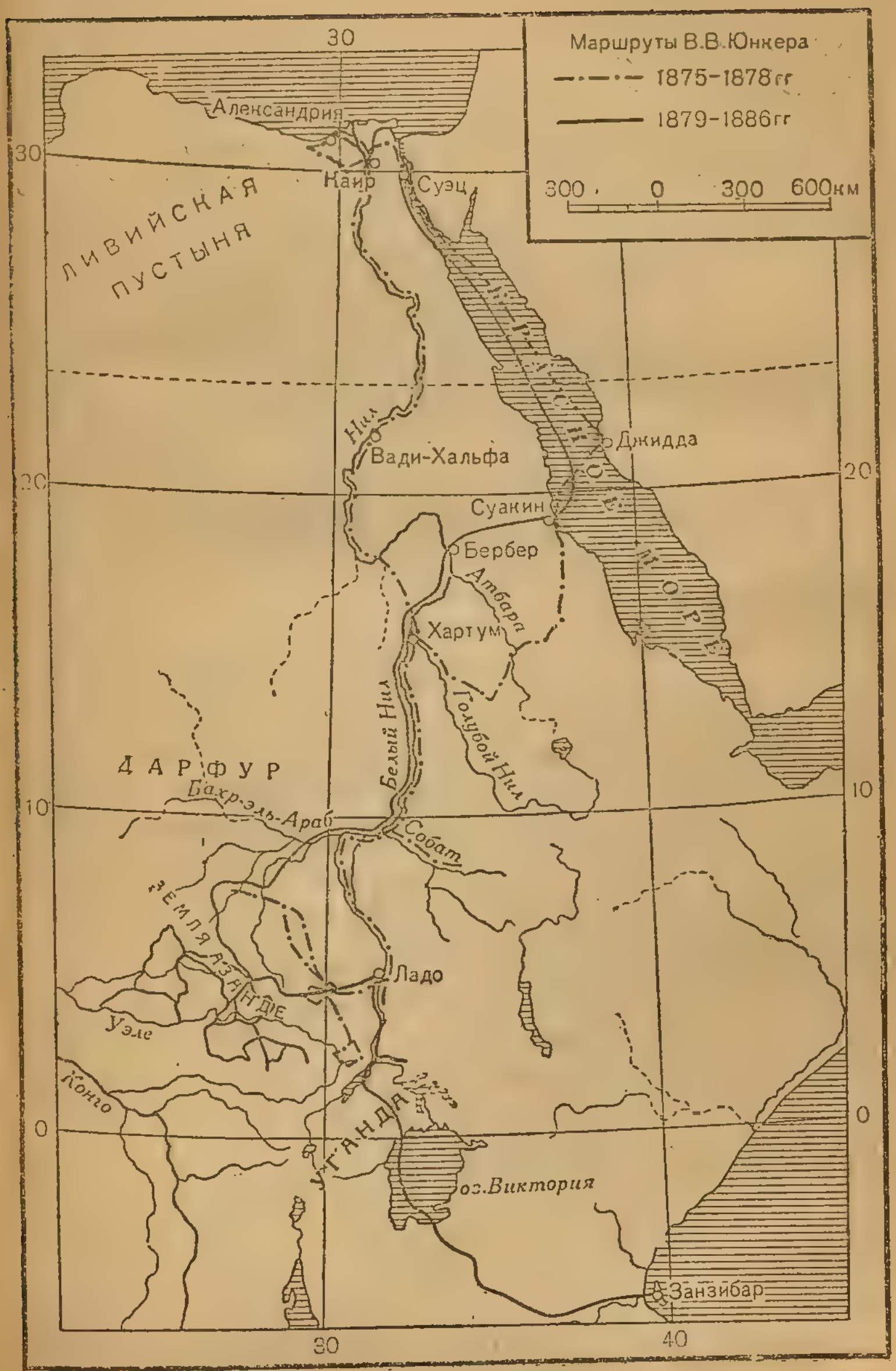
чивы, но Юнкеру ласковым обращением удалось это преодолеть, и он некоторое время забавлял их музыкой и роздал им подарки. По словам Юнкера, они прекрасные стрелки из лука, живут почти исключительно охотою и умеют убивать весьма искусно своими мелкими стрелами даже слонов.

Путешествия к югу от р. Уэле закончились переходом Юнкера на станцию Тангасн в земле Мангбатту. Для больного и изнуренного накожными болезнями Юнкера этот переход был особенно труден, так как шли без всякой дороги, по следам слонов, часто пробираясь ползком через густой кустарник. Здесь Юнкеру удалось немного отдохнуть, а затем он направился далее, чтобы встретиться со своим помощником Бондорфом. Последний тем временем уже переселился к Земно, вождю племени аланде. Было решено отправить Бондорфа с коллекциями в Европу, а Юнкеру отправиться к западу, чтобы проследить течение р. Уэле-Макуа. Однако восстание племени динка заставило Бондорфа вернуться обратно, Юнкер же до мая 1883 г. занимался обследованием обширных стран к западу и юго-западу от владений Земно. Юнкеру удалось доказать (первому из европейцев), что Уэле является притоком Конго, и не Нигера, как предполагали до него.

За это время сильно разрослось восстание племени динка против египетского правительства. Это восстание превратилось в настоящую народно-освободительную войну, с которой, ввиду отдаленности местности и сочувствия других племен, не так-то легко было справиться. Правительственные войска были сосредоточены в Бахр-эль-Газальской провинции и туда намеревался отправиться и Юнкер вслед за уехавшим ранее Бондорфом, чтобы далее через Хартум двинуться домой, в Россию. Бондорфу удалось с большим трудом, преодолевая массу опасностей, пробраться в Египет, но коллекции при этом погибли. Однако далее Ладо Юнкеру пробраться не удалось. Вся Бахр-эль-Газальская провинция была отрезана от севера, благодаря восстанию махдистов. Да и в самом Египте было неспокойно, и там произошли крупные политические события.

* *
*

Юнкер путешествовал по Африке в период её колониального раздела. Империалистические державы были


Маршруты В.В.Юнкера
1875-1878гг
1879-1886гг
300 0 300 600км
30
20
10
0
30
40
Александрия
Каир
Суэц
ЛИВИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ
Нил
Вади-Хальфа
Джидда
Суакин
Бербер
Атбара
Хартум
Белый Нил
Голубой Нил
ДАРФУР
Бахр-эль-Араб
Собат
ЗЕМЛЯ АЗАНДЕ
Ладо
Уэле
Конго
УГАНДА
оз.Виктория
Занзибар

при этом особенно деятельны в Египте и в Судане. Англия, стремясь вытеснить Францию из Египта, который в те времена формально принадлежал Турции, довела египетское правительство до банкротства, но так как отстранить Францию полностью не удалось, то контроль над финансами Египта осуществлялся представителями как Англии, так и Франции.

Финансовый контроль вскоре превратился в политический. В Египте было организовано «европейское министерство», мероприятия которого вызывали постоянные конфликты между державами и правительством Египетского хедива. «Европейское министерство» было смещено, его заменило национальное правительство, державы добились низложения хедива и восстановления англо-французского контроля.

В ответ на это вмешательство держав возникло мощное национально-освободительное движение, возглавленное полковником Араби. В конце 1881 г. египетские националисты пришли к власти и добились фактического упразднения двойственного контроля. Но Англия, спровоцировав конфликт с Египтом, в июле 1882 г. бомбардировала Александрию, высадила на берег десантные войска и оккупировала Египет.

Почти одновременно с этим в Судане развернулось антиимпериалистическое, народно-освободительное движение, известное под наименованием движения махдистов.

Араб Мухаммед-Ахмед, сын плотника, в конце 1881 г., в пору наибольшего угнетения Судана египтянами, объявил себя Махди * и возглавил восстание, постепенно подготовлявшееся событиями, во всем Судане. В 1883 г. махдисты заняли Эль-Обеид и превратили Кордофан в свое государство теократического характера. Воспользовавшись всеобщей ненавистью к египтянам, махдисты изгнали из Судана англо-египетскую администрацию, разбили египетские войска под начальством англичанина Хикса-паши и в 1885 г. заняли Хартум, обороняемый англичанином Гордон-пашой. Заняв этот город, махдисты, отрезали от Египта Экваториальную провинцию Судана. Однако это народно-освободительное движение

---

* Махди — по-арабски — вождь, ожидаемый мусульманами освободитель, который, по их верованиям, должен явиться и установить справедливость на земле.

в 1900 г. было окончательно подавлено карательной экспедицией англичан, и государство махдистов было уничтожено, чему способствовало и внутреннее разложение.

Потеряв возможность, вследствие указанных событий, вернуться в Хартум и дальше в Каир, Юнкер решил пробираться на юг, в Уганду. Однако неопределенность положения несколько задерживала его решение, и он воспользовался этой задержкой, чтобы продолжить свои наблюдения. Тем временем выяснилось, что его коллекции безнадежно застряли где-то в Бахр-эль-Газальской провинции. В январе 1886 г. Юнкер отправился на юг, с целью достигнуть Занзибара. Переправившись через озеро Альберт, Юнкер стал искать возможности пробраться далее.

Трудно представить себе, сколько тяжелых испытаний пришлось на долю Юнкера, прежде чем он получил возможность двинуться в путь. Мванга, король Уганды, долго препятствовал Юнкеру пройти через его страну, письма Юнкера перехватывались, экспедиции доктора Фишера, направленного на выручку Юнкера, было запрещено вступить в Уганду. К тому же и сам Юнкер заболел, так как сильно расшибся, упав с осла, а носильщики его бросили.

Только в июле 1886 г. Юнкер покинул столицу Мванги и отправился в путь. Через полтора месяца пути он достиг озера Виктория и здесь сел на парусную лодку миссионеров, которая находилась в пути 26 дней. Плаванию мешали южные и юго-восточные ветры, особенно сильные в это время года. Переплыв озеро, Юнкер присоединился к большому каравану со слоновой костью и только в конце декабря 1886 г. достиг берега Индийского океана и затем Занзибара. Отдохнув в Занзибаре, расплатившись со всеми долгами и отпустив своих слуг, Юнкер отправился на пароходе через Аден в Суэц, а оттуда по железной дороге в Каир. В апреле 1887 г., на торжественном собрании Русского Географического общества в Петербурге, Юнкер выступил с подробным докладом о своем семилетнем путешествии по Экваториальной Африке.

Последнее путешествие Юнкера окончилось для него самого благополучно, но коллекции, им собранные, погибли безвозвратно. К счастью, сохранились дневники

Юнкера и составленные им карты, с которыми он не расставался, несмотря на все опасности и трудности пути. Поэтому Юнкер немедленно по возвращении принялся за приведение в порядок собранных им материалов.

Здоровье его было в значительной степени расстроено перенесенными лишениями, и Юнкер решил, окончив обработку материалов своих путешествий, переехать в мягкий Европы или же в Египте. Три года он провел в Петербурге, приводя в порядок свои дневники, и издал обширное трехтомное путешествие в трех томах на немецком языке.

В конце 1891 г. Юнкер вернулся в Петербург, где стал готовить об издании своего путешествия на русском языке, но здесь заболел инфлуэнцой и умер 1/13 февраля 1892 г.

Работы Юнкера до сих пор представляют собою большую ценность: в них мы имеем интереснейший и богатейший материал, полученный русским исследователем по географии, этнографии и истории южной части Восточного Судана и Уганды. Особенно следует отметить точность карт местностей, посещенных Юнкером, чего нельзя сказать о картах его предшественников, по большей части агентов империалистических держав, лихорадочно рыскавших по многим районам Центральной Африки, с целью захвата новых земель, и не особенно старавшихся добывать научные материалы.

Но не только тщательные карты представляют основное достоинство трудов Юнкера. С такой же добросовестностью он дает географические описания ландшафтов, описывает растительный покров, животный мир тропического леса. По отзывам специалистов, эти описания Юнкера не уступают в точности и в научности тем описаниям, которые сделали бы специалисты зоологии или ботаники. Интересен собранный им этнографический материал, характеристика племен, с которыми он встречался, их язык, племенные отличия, вся их материальная культура: оружие, утварь, одежда и украшения.

Юнкер запечатлел страшную картину угнетения и ограбления племен Судана чиновниками и войсками египетского хедива, действовавшего под давлением европейских империалистов. Нарисованные Юнкером сцены грабительских набегов на несчастных крестьян и описание их обездоленной жизни показывают причины воз-

ванности и ход развития народно-освободительной войны. Особенно важно, что он описал ту сторону махдистского восстания, которая долгое время оставалась в тени: — участие в нем племен динка — обитателей южной части нынешнего Англо-Египетского Судана. Племена динка, живущие тоже родовым строем, подняли осенью 1882 г. восстание против египетского правительства и в течение полутора лет не только обороняясь, но и нападали на регулярные войска. После победы махдистов суданские племена на 15 лет сохранили свою независимость, которую они потеряли лишь с занятием англичанами Англо-Египетского Судана. Ход этого восстания племен динка — стал нам известен в большой мере именно из описаний Юнкера.

Юнкер не сочувствовал восставшим: он был типичным представителем своего класса. Буржуазная ограниченность мировоззрения приводила Юнкера к повторению ходячих рассуждений о «цивилизаторской миссии» европейцев в Африке, которыми империалистические колонизаторы пытались оправдать свою захватническую политику.

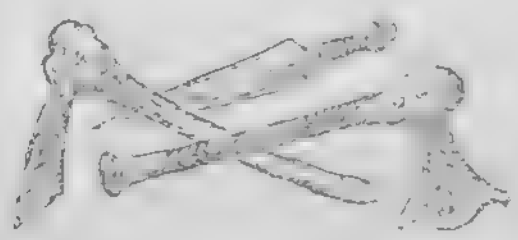
Однако, на страницах своего большого труда Юнкер много раз высказывает возмущение грубыми насилиями, применявшимися колонизаторами, жестокостью захватчиков, наглым грабежом и убийствами, свидетелем которых ему поневоле приходилось неоднократно быть. В противоположность большинству западно-европейских путешественников, Юнкер во время своих путешествий, неизменно проявлял уважение к туземцам. Своим отношением Юнкер заслужил доверие многих африканцев. Теплые дружеские чувства связывали его с вождем племени бомбе Рингпо; он совершил обряд побратимства, «поменялся кровью» с вождем племени Мангбатту Момбангой. Он был искренним другом, врачом и советчиком многих обитателей стран Центральной Африки, которые он посетил.

После занятия махдистами Восточного Судана, Юнкер провел около полутора лет в Экваториальной провинции.

Юнкера, путешествовавшего по Центральной Африке с научными целями и на свои собственные средства, конечно, нельзя сравнивать с западно-европейскими путешественниками его времени, которые прикрывались науч-

ными целями, а на самом деле, находясь на службе тех или иных европейских государств и получая от них специальные задания, подготовляли захват новых земель.

Научный мир всегда ценил и до сих пор высоко ставит научные заслуги русского путешественника по малоизвестным или совсем неизвестным для европейцев районам Центральной Африки.



Александр Васильевич
ЕЛИСЕЕВ

А. В. ЕЛИСЕЕВ

«Словно в знойной печи, пышащей жаром раскаленного камня, утопая в море ослепляющего света, еле движется караван... Словно заведенные куклы, механически движутся верблюды; как белые тени, недвижно восседают на них всадники; это беззвучное шествие как-то гармонирует с мертвой тишиной пустыни, прерываемой досадно унылыми и однообразными звуками колокольцев, привешенных к шеям кораблей пустыни...

...солнце продолжает подниматься над горизонтом, а пустыня раскаляется; песок становится уже горячим до того, что только мозолистые ноги верблюдов не ощущают этого жара; до камней едва можно дотронуться... Скоро и воздух, пронизанный прямыми лучами африканского солнца, как бы остановился и начал раскаляться, нагреваемый и солнцем и песком... Голубое небо стало блекнуть, словно розовато-лиловая дымка покрыла горизонт и заволокла горизонты пустыни... Эта дымка становится все краснее и насыщеннее, и скоро само солнце как бы потонуло в небе. Наступает страшная пора полуденной страды в пустыне, превращающая ее в настоящую геенну. Воздух стал совершенно недвижим, красно-розовая мгла отсвечивает багровым отблеском, придающим всей пустыне адский колорит; форма и очертания расплылись, горизонт слился с небом и землею в одну полупрозрачную мглу, среди которой, наподобие призраков, двигаются преображенные оптическими иллюзиями верблюды и люди...».

Так описывает свои впечатления о путешествии по пустыне Сахаре, к югу от Триполи, известный путешественник по Африке Александр Васильевич Елисеев.

Врач по профессии и в то же время ученый-антрополог, он принадлежит к той категории людей, которые с самых ранних лет своей сознательной жизни, выбрав себе дорогу, идут по ней целеустремленно до самого конца.

А. В. Елисеев родился 1 августа 1858 г. в Свеаборге, «мрачной, суровой, высеченной в граните крепости, окруженной морем», в семье армейского офицера. Среднее образование он получил в гимназии, в Кронштадте, после чего поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В университете он был одним из любимейших учеников известного натуралиста-зоолога, проф. К. Ф. Кесслера, который привил ему любовь к естествознанию и выработал в нем наблюдательность. Однако по материальным соображениям Елисеев перешел в Военно-медицинскую академию, которую закончил в 1882 г. со званием врача.

Страсть к путешествиям и скитаниям Елисеев приобрел еще в детстве, сопровождая своего отца, старого боевого офицера, во всех переходах кочевой жизни по Финляндии и Прибалтике. Он пишет, что первые его воспоминания детских лет относятся к бивуакам, походным кострам, лагерным стоянкам, переходам, переправам через реки, охотам. Будучи гимназистом, в 1875 г., он, в обществе одного из своих товарищей, обошел пешком значительную часть Финляндии, побывав в Пункахарью, Куопио, Каяни, Оулу и на Иматре. Однако Елисеев не стал таким туристом, который путешествует или бродит «по белу свету» только оттого, что ему нечего делать, что он этим хочет заполнить пустоту своей жизни, — явление, которое мы часто наблюдаем среди очень многих, путешествующих таким манером англичан и американцев. Он всегда старался быть серьезным исследователем, именно испытателем природы, и с этой целью всегда чрезвычайно основательно готовился к предстоящей работе. Как он сам пишет в своей автобиографии, уже в 14 лет он понял, что нужно учиться не только понимать, но и знать природу. А любить ее он начал еще ранее.

Несмотря на запреты и всякого рода помехи, Елисеев много читал книг естественно-исторического содержания. Но золотым периодом его юности, по его словам, были три летних месяца, когда он мог воплощать, хоть отчасти, в действительность те образы и идеалы, которые со-

здавал в долгие часы зимних размышлений, и отправлялся в лесную глушь, «где его ждали болотные сапоги, охотничья куртка, ружье и верный пес». Окончив гимназию восемнадцати лет, Елисеев посетил Западную Европу, побывав в Германии, Дании, Австрии, Франции и Швейцарии. В 1887 г. он путешествует по Карелии, посещает Валаамские острова на Ладожском озере и снова проходит пешком по Финляндии от Куопио до Тампере. В 1878 г. он, при содействии К. Ф. Кесслера, посетил антропологическую выставку в Москве, которая направила его интересы в область антропологии, и с тех пор он стал заниматься ею в своих путешествиях. В том же 1878 г. Елисеев провел лето в дебрях Прионежья и Олонецкого края, причем дошел до Архангельска. В 1879 г. совершил путешествие по Пермской губернии, странствовал в районе Чердыни и по берегам Вишеры и Печоры, изучая следы поселений древней чуди. В следующем, 1880 г., он занимался разыскиванием курганов и древних городищ в окрестностях озера Ильмень и по рекам Волхову, Ловати и Шексне.

Еще находясь в Военно-медицинской академии, Елисеев предпринял свое первое путешествие в Африку, имея в своем распоряжении крайне незначительные средства, добытые уроками и литературным трудом. Весною 1881 г. он направляется в Египет, чтобы оттуда пробраться в Палестину или, как тогда говорили, в Святую Землю. Всю зиму он готовился к этой поездке, чтобы заняться там историческими и антропологическими наблюдениями.

* *
*

Маршрут путешествия в Египет начинался в Одессе. Оттуда Елисеев проехал морем в Константинополь, а затем в Александрию. Перед глазами русского путешественника развертывались картины жизни Востока.

Александрия в это время уже была наполовину европейским городом, но все же в ней можно было наблюдать много интересного и своеобразного для европейца-путешественника. Памятников древности здесь сохранилось мало. Внимание Елисеева привлекли роскошные сады Александрии, которые, как раз в это время года находи-

лись в цвету. Финиковые пальмы, бананы, мимозы, смоковницы, олеандры, апельсинные и лимонные деревья были представителями средиземноморской флоры.

Внимательный осмотр Александрии закончился прогулкою по озеру Марестио, где путешественник впервые увидел розовых фламинго и больших пеликанов. Небольшая экскурсия на запад, вдоль берега моря, позволила, хоть издали, познакомиться с ландшафтом пустыни: отсюда далеко на запад тянутся бесконечные пески Ливийской пустыни.

От Александрии до Каира путь идет по железной дороге. Елисеев проделал его с двумя русскими попутчиками, один из которых жил в Египте свыше двадцати лет и был прекрасным проводником. Каир произвел огромное впечатление на Елисеева своими особенностями как мусульманский город и, в то же время, как город, в окрестностях которого находится много древних памятников трех- и четырехтысячелетней давности. Пирамиды, подземелья, местный музей — все было подвергнуто самому внимательному осмотру.

Путешествие вверх по Нилу до Асьюта Елисеев проделал главным образом по железной дороге, частью на барже под парусами, останавливаясь во всех тех местах, где можно было найти те или иные интересные объекты для наблюдений. Помимо богатого антропологического материала, Елисеев приобрел в этом путешествии по Египту хорошее знакомство с этой интересной страной, сплошным музеем древностей, и с ее населением. В Асьюте путешествие закончилось, Елисеев вернулся в Каир, чтобы оттуда поездом отправиться в Суэц, из которого он намеревался караванным путем двинуться на Синай и дальше.

* *
*

После некоторого перерыва мы снова, уже в начале 1884 г., застаем Елисеева в Египте. Первое, что поразило нашего путешественника, прибывшего в Александрию, это печальная картина ее разгрома англичанами, которые, подавляя восстание египтян против поработивших их европейцев, превратили, по словам Елисеева, многие кварталы ее в настоящую каменоломню. Проехав в Каир и намереваясь в дальнейшем пройти караванным путем

из Верхнего Египта на берег Красного моря, а затем пробраться в Аравию, Елисеев на этот раз решил отправиться на парусной барке-дахабие.

Путь на парусной барке, конечно, несколько затягивал путешествие, но зато во время этого пути можно было произвести куда больше полезных и интересных наблюдений, чем в том случае, если отправиться по железной дороге.

А ближайшие окрестности Каира уже в достаточной степени подготовляли к тем красотам природы, которые ожидали путника впереди. Лучше всего передать то, что видел Елисеев, например, в дельте Нила, его собственными словами.

«То было время чудной весны в Египте. Стоячие воды поросли свежим высоким тростником, приподнявшим колосистые головки к небу; светлорозовая кувшинка уселась на своих широких листьях; сотни трав и цветов, пополам с илом и водой, заполнили озерки, плёсы и поля. Акации, мимозы и сикоморы установились изгородями посреди этого моря зелени, на котором, как острова, стали купы финиковых пальм. Дельта Нила и часть его северных берегов представляет зимовье и кочевье для большинства наших птиц, тот таинственный край, куда направляются наши милые пернатые друзья. Всю зиму и раннюю весну гостят в «стране фараонов» гости далекого севера; особенно живописное зрелище представляют тогда озера-болота Нижнего Египта, упирающиеся почти в самый берег Средиземного моря...

...Бесчисленными стаями уселись европейские утки на подернутых зеленью топях; дикие гуси и перепела еще не успели необсесть, и с громкими криками носятся над водою, еще выше приподнялись стада морских ласточек, чаек и мелкой голенастой твари; под ними взлетают орлы-могильники и кликуны; белохвостые орланы, скопы и ястреба реют неподвижно над птичьим миром, не ища, а выбирая жертвы, которые и не думают улетать...

...Посмотришь на поверхность озера и болота, — местами не видно ни грязи, ни воды: живой гатью легли на них белоснежные пеликаны, красноогненные фламинго, стаи пестрых ибисов, улитов, ржанок и береговиков; большие общества лебедей, как цветы гигантского лотоса, легли в тени плёсов, осененных сикоморами; пестрые и белые цапли и ныни, священные ибисы и ходульная

акатка — все это движется и толчется под золотыми лучами африканского солнца».

Для общей характеристики пути по Нилу следует указать, что жизнь Египта полностью сосредоточена на узкой полосе, прилегающей к реке, а по внешним сторонам этой зеленой полосы расстилается мертвая пустыня.

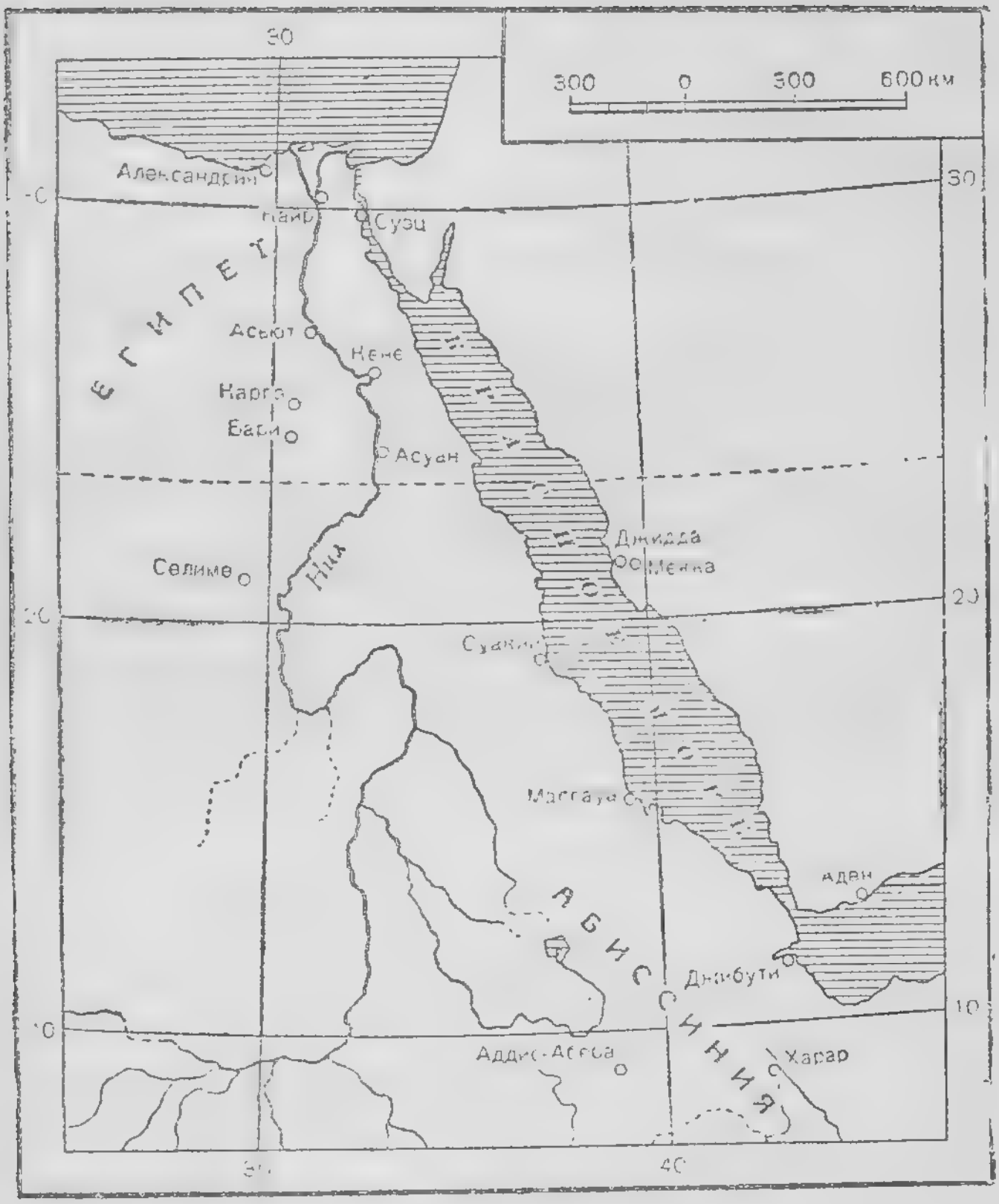
Хотя путь на медленно плывущей барке был несколько утомителен, все же живописные берега, представлявшие разнообразную панораму, привлекали внимание. Не раз путники развлекались рыбной ловлей. Сети закидывались прямо с борта барки, и жареная и вареная рыба были немалым подспорьем в питании.

Не доезжая до Эль-Миньи, сделали остановку у хижины реиса (шкипера) дахабие, Салеха. Елисеев получил здесь возможность познакомиться поближе с незатейливым хозяйством феллахов.

Вынужденная остановка в Эль-Миньи из-за безветрия, на три дня, прошла, однако, незаметно. Елисеев встретил здесь одного каирского знакомого, полковника египетской службы, который предложил ему свое гостеприимство. Мустафа-бей незадолго перед этим побывал в плену у русских и сохранил хорошее воспоминание об их отношении к нему. Он и его гости, офицеры и солдаты части, которой он командовал, устраивали в честь русского путешественника обеды, угощенья и прогулки.

Вообще в Египте того времени, говорит Елисеев, к русским, «московам», относились совсем не так, как к англичанам и другим европейцам. Даже фанатически настроенная толпа, избивавшая европейцев, не делала ничего плохого русским. Достаточно было сказать: «я — москов».

В Асьюте Елисеев покинул дахабие старого Салеха и воспользовался пароходом, чтобы посетить развалины древних египетских храмов: Абидос, Дендеру, Луксор, Карнак, Мединет-Абу, а также развалины «стовратых» Фив. Осмотр египетских древностей закончился в Асуане у первых порогов Нила, где Елисеев любовался изящным островком Филе с храмом Изиды, побывал на острове Элефантина, где находится тот знаменитый ниломер, по которому тысячелетиями следили за подъемом вод Нила.



Карта к путешествию Александра Васильевича Елисеева по Египту и Нубии.

* *
*

Дальнейший план путешествия состоял в том, чтобы пробраться на берег Красного моря, а оттуда уже проникнуть в Аравию и осмотреть некоторые прибрежные города. Это можно было сделать из Кене, откуда направлялись караваны паломников-мусульман в Мекку. Елисеев присоединился к одному из таких караванов, двигающихся в Эль-Касейр на берег Красного моря. Он

был единственным европейцем в пестрой толпе паломников, но отношение к нему со стороны его спутников и главного вожака каравана не оставляли желать ничего лучшего. Путь около 200 км был не особенно тяжел. По дороге встречались колодцы, но все же два перехода по каменистым вади были мучительны из-за невероятной жары.

Прибытие каравана в Эль-Касейр для местных жителей было крупным событием, и паломников встречали очень торжественно. Отсюда, погрузившись на итальянский пароход, все отправились далее.

Путь лежал на Суакин, город на берегу Красного моря, оттуда на Масауа, на Аден и, наконец, на Джидду. На пароходе оказалось немало мусульман-паломников из России с которыми, естественно, велся разговор на русском языке. Пользуясь своим званием врача и имея в своем распоряжении небольшую аптечку, Елисеев имел возможность и здесь произвести многочисленные наблюдения по антропологии среди представителей разнообразных племен Африки: бишаринов, нубийцев, арабов Хадрамаута и ряда негрских племен из внутренних районов Судана. Путешествие по Красному морю было очень утомительным по причине сильной влажности воздуха, горячего ветра и пыли, приносимой им из пустыни. Температура воздуха и ночью почти не снижается, показывая 30°. Дальнейший путь Елисеева был в Палестину и Сирию. Затем Елисеев решил посетить Северную Африку и побывать в Сахаре. С этой целью он направился на пароходе в Триполи, оттуда в Тунис и в Алжирию и через Марокко и Испанию вернулся в Россию.

* *
*

Можно смело сказать, что А. В. Елисеев был тем путешественником по Северной Африке и Сахаре, который, в ряде талантливо написанных очерков, познакомил широкие круги русских читателей с великой пустыней Старого света, особенностями ее природы и населения. Он никогда не был простым туристом-наблюдателем: отправляясь в путешествие, Елисеев заранее и весьма основательно подготовлялся к нему; богатый опыт, полученный им в продолжительных странствованиях, уменье ладить

с людьми и бесстрашие, с которым он отправлялся в самые рискованные поездки, позволяли ему всегда блестяще справляться с намеченной программой работ. Елисеев был и талантливым писателем и вдумчивым исследователем. Помимо прекрасных, с беллетристической точки зрения, описаний и очерков, он дал немало и серьезных научных статей, которые были напечатаны в различных научных журналах.

Первое путешествие по Сахаре, в котором Елисеев пробыл несколько более двух месяцев, начато было им из Триполи, куда он прибыл морем после только что законченного им сирийского путешествия.

Город Триполи не особенно поразил нашего путешественника своей внешностью: по существу, он мало чем отличался от других прибрежных городов Востока, уже достаточно известных Елисееву — те же базары, те же мечети, та же пестрая многоязычная толпа. Впрочем последняя была здесь очень примечательна именно своей пестротой. Берберы, разнообразные негрские племена, арабы, местные евреи, турки, греки, мальтийцы, итальянцы — вот кто составляет эту толпу, поражающую прибывшего сюда иностранца разнообразием типов, одежд и языков.

Караваны, покрытые пылью сахарских песков и разгружавшиеся в многочисленных караван-сараях, навели Елисеева на мысль отправиться с одним из таких караванов в глубь Сахары до Мурзука. Никакие предостережения местных знакомцев Елисеева не помогли, и в одно прекрасное утро мы видим его в составе каравана купцов, отправлявшихся из Триполи в Феццан. Это предприятие не удалось. Но не природа Сахары, жара, жажда, утомительные миражи и даже песчаная буря, погубившая нескольких верблюдов и одного из купцов, остановили Елисеева. Весь караван мирных купцов не решился двигаться далее оазиса Максур по причине угрожающих слухов о повстанческих отрядах туарегов, поднявших знамя нового пророка Махди. Пришлось вернуться обратно в Триполи и направиться в Тунис, а затем в Алжирию, чтобы оттуда попасть в великую пустыню.

Прибыв на пароходе в Тунис, — город в значительной степени принимающий уже европейский вид, Елисеев сделал две экскурсии: на развалины Карфагена, где, при-

сутствуя на раскопках древней столицы финикийской колонии, ему удалось добыть два черепа, и на мыс Бон, где он наблюдал подземные жилища древних обитателей этих мест — пещеры Эль-Хаурие, — число которых доходило до двадцати. Из Туниса до границы Алжирии, станции Гарджимау, Елисеев проехал по железной дороге, а оттуда направился верхом через леса Атласских гор к Константине. Алжирские леса замечательны. Вот что пишет о них Елисеев.

«Главную массу леса составляют многочисленные породы дубов, преимущественно пробкового, за ним следуют тополи, ясени и кедры. Рядом с могучим пробковым дубом, саженн две-три в обхвате, ютится лапчатолистная дикая фига, кусточек лавра или акации — рядом с группой темных туй; густой чащей теснятся мирты и тамариски под тенью дикого каштана; обвитая повиликою и плющем возвышается орешина, а по течению лесных ручейков, распространяя одуряющий аромат своими розовыми головками, идут гибкие олеандры и серебристые ивы...

...В этих густых, местами непроницаемых, чащах, где царит еще зверь, а не человек, кишит многочисленное и разнообразное пернатое царство, оглашающее своими неумолчными криками тишину нагорных лесов; здесь же ютятся стада кабанов и многочисленные гиены, шакалы, золотистые лисицы, обезьяны-сервалы и, наконец, страшные пантеры и львы...

...Целыми часами, — пишет Елисеев, — мы пробирались через это лесное царство, любуясь великолепными панорамами, открывавшимися на каждом шагу; дорога причудливо вилась по каменистым громадам, поросшим густыми лесами, местами лепясь по откосам скал, местами поднимаясь на высочайшие вершины. Временами, по небольшим тропинкам, мы въезжали в самые чащи, где еле пробирались наши кони, нередко пользуясь ложами лесных ручейков, наполовину уже освобожденных от вешних вод, превращающих их в бурные потоки».

Проводник Елисеева, бравый, увешанный оружием Ибрагим, привел его к лесной хижине старого Исафета — охотника, всю жизнь прожившего в этих лесах среди диких зверей. Здесь Елисееву удалось прожить несколько дней и испытать массу новых ощущений лесного бродяги и охотника на львов.

Достигнув Сук-Ахраса, Елисеев по железной дороге доехал до Константины, но после общего осмотра города решил не задерживаться в нем, а отправиться далее, чтобы попасть, в конце концов, в глубину Алжирской Сахары. Частью по железной дороге, частью на дилижансе, запряженном четверкой лошадей, минуя Батну, Елисеев добрался до Бискры, откуда он намеревался достичь Тугурта и оазиса Уарглы, чтобы там найти возможность побывать в настоящей Сахаре. В Бискре Елисеев пробыл два дня, в течение которых ему удалось произвести немало антропологических и этнографических наблюдений над той интересною смесью народностей, какую представляет собою население Бискры. Здесь можно видеть берберов, арабов, негров.

* * *

В Бискре Елисееву удалось познакомиться с тремя французами, которые отправлялись со своими товарами в оазисы Алжирской Сахары, и договориться с ними о совместной поездке. Можно представить себе радостное чувство нашего путешественника, когда он взобрался на быстроногого верблюда-мехари и, покинув оазис Бискры, двинулся со своими новыми спутниками по пустыне. Чистый и прозрачный воздух, безграничный простор, возможность видеть на огромном расстоянии — сразу же показали своеобразные черты этого оригинального ландшафта. Дорога шла от оазиса до оазиса, то по руслам временных потоков — вади, то по поверхности плоских возвышенностей, кое-где поросших кустиками тамарисков и зарослями травы-альфы. По дороге попадалось много пресмыкающихся: ящериц и змей, среди них было немало ядовитых рогатых гадюк. Некоторые из оазисов, через которые проходил Елисеев, были созданы французами, пробившими здесь артезианские колодцы.

Это предприятие оживило весь район к югу от Бискры до оазиса Тугурт, куда в первую очередь направились французские купцы. Местами дорога шла по окраинам огромных солончаков-шоттов. Воды в них почти не было, ровная поверхность их дна была покрыта кристаллами соли, напоминающая не то ледяную кору, не то ровную

поверхность снега, и слепила глаза путников, хотя они и были защищены темными очками.

В оазисе Тугурт, окруженном лесом финиковых пальм, Елисееву удалось провести ряд интересных наблюдений над финиковыми пальмами. Финиковая пальма является истинным кладом для обитателей пустыни. Многочисленные сорта этих пальм дают, прежде всего, замечательные плоды — финики, отличающиеся цветом, сахаристостью, ароматом, сочностью, временем своего созревания и т. п. Финиковая пальма дает обитателям пустыни молодую зелень, пальмовое вино, поделочную древесину, волокно для плетения веревок и сетей, листья для плетения корзин и покрывания хижин... Но пальма требует много воды. Как говорят арабы, она любит, чтобы «голова ее была в огне, а ноги в воде», и поэтому оазисы финиковых пальм представляют огромную систему разнообразных оросительных сооружений.

Направляясь к оазису Уарглы, надо было пройти через ряд других оазисов, посещение которых дало не мало интересного этнографического материала. Оазис Темассин в этом отношении оказался наиболее интересным, так как путники проходили через него в день большого праздника и вокруг оазиса собралось население не только ближайших мест, но даже и из глубины Сахары. Разноцветные шатры, черные, красные, шумная толпа в пестрых оригинальных одеждах, — оставили яркий след в памяти Елисеева.

Первые ночи в пустыне, поражая путника-европейца новизною ощущений, доставили немало приятных минут и даже часов, так что путникам, сидевшим у погасшего костра, иногда и не хотелось ложиться спать.

Зато предпоследняя ночь, перед оазисом Уарглы, оказалась чрезвычайно тяжелой. Привлеченные ярким огнем костров, со всех сторон к лагерю расположившихся на ночлег путников ползли змеи, скорпионы и ядовитые пауки. Почти вся ночь прошла в беспрерывной борьбе с отвратительными гадами. Были пущены в ход и палки и ножи, но это нисколько не пугало их, и всю почти ночь не пришлось сомкнуть глаз. Немудрено, что выспаться пришлось уже сидя на быстроногих мехари, покачиваясь в седлах.

Путь к оазису Уарглы местами шел то через песчаные скопления, то по равнине, с как бы разбросанными по ней

небольшими песчаными дюнами, поросшей альфой, дрином и другими травами. Среди зарослей сухого бурьяна копошились ящерицы-вараны и черные ядовитые змеи.

Несмотря на утомительный путь и кратковременные остановки в попадавшихся на пути оазисах, Елисеев успевал производить антропологические измерения голов местных жителей. Можно представить себе то чувство облегчения, когда путники достигли, наконец, ворот оазиса Уарглы.

Уарглы — город-оазис, состоит из глиняных и каменных построек. На домах можно часто встретить арабские надписи и вделанные в стены плитки голубого фаянса, с довольно грубыми рисунками. Тесно примыкающие друг к другу постройки разделены узкими улицами, образующими настоящий лабиринт. Население чрезвычайно смешанное: хотя большинство жителей были метисы, все же здесь можно было встретить и берберов, и представителей разнообразных арабских племен, негров, и даже... грузин.

Елисеев встречал здесь людей с цветом кожи, который давал все оттенки, начиная от негрского черного до европейского белого.

Когда-то знаменитый город Сахары, и до настоящего времени носящий имя «святого города», оазис Уарглы почти потерял свое прежнее значение: стены, дома, водопроводы постепенно разрушаются, торговля упала, пески пустыни начинают мало-помалу засыпать этот оазис, в котором насчитывался миллион финиковых пальм.

Не прошло и двух дней, как Елисеев уже вел переговоры с жителем Гадамеса, почтенным Иби-Салахом, об условиях его поездки в глубину африканских песков. Тут помогла Елисееву его профессия врача. В качестве представителя «благородного сословия адхалибов» (врачей), Елисеев отправился в Гадамес, к Иби-Салаху, чтобы помочь больным членам его семьи. Еще раньше, отправляясь из Бискры, Елисеев пустил о себе слух, что он врач и собирается ехать в Сахару собирать целебные травы. Иби-Салах поклялся не только доставить Елисеева в Гадамес, но и вернуть обратно, зная, что путь не так уже легок и что по дороге можно всегда ожидать неприятной встречи с туарегами.

* *
*

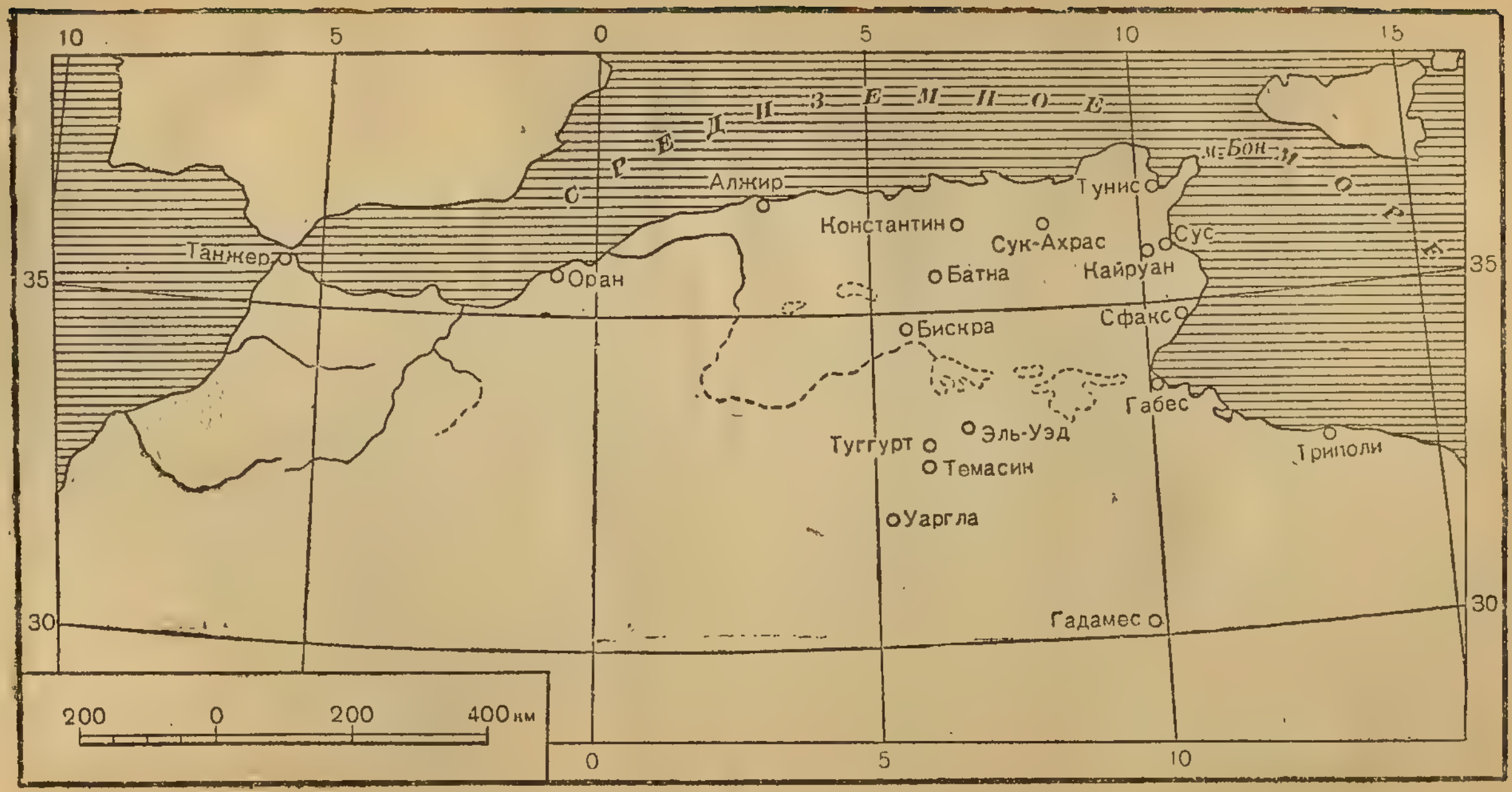
Рано утром небольшой караван, состоящий из четырех человек и шести верблюдов, провожаемый пожеланиями доброго пути на французском и арабском языках выступил из Уарглы. На четырех верблюдах-мехари торжественно восседали Елисеев, Ибн-Салах, слуги его — бербер Юсуф и негр Нгами. Пятый верблюд был нагружен кожаными мешками с водой, которые предстояло пополнить дорогою из колодцев и источников, шестой нес запас продовольствия на двухнедельный переход по безлюдной пустыне, палатку и имущество Елисеева. Верблюды должны были питаться подножным кормом.

Елисеев был одет в настоящий арабский костюм, широкий и просторный бурнус, только на голову, сверх обычного арабского покрывала, он надел широкополую берберскую соломенную шляпу.

Давно уже был караван за пределами городских построек, но долго еще двигался в густом пальмовом лесу оазиса Уарглы. После шести километров такого пути, пальмовый лес стал постепенно сменяться растениями пустыни — альфой и дринной, и, наконец, началось море песков. Это монотонное море песков несколько разнообразили ослепляющие пятна солончаков и известковые возвышенности. Хотя Елисеев не был новичком, но первый день путешествия сильно утомил его, и он очень был обрадован ночлегом в ложбине Вади-Терфаїа.

После скромного ужина, состоящего из лепешек, сушеного мяса, фиников и глотка тепловатой воды из кожаного бурдюка, караван задремал у темного шатра с белыми полосами, который был предоставлен Ибн-Салахом в распоряжение «мудрого адхалиба». Нескоро заснул Елисеев в эту первую ночь, проведенную им в Сахаре. Бесконечный простор пустыни, ароматный и прохладный воздух, сменивший раскаленный воздух дня, темноголубой купол неба, покрытый тысячами звезд, невольно заставляли бодрствовать в этом диком безмолвии.

Елисеев пишет, что тот, кто хочет понять пустыню и видеть ее во всей ее красоте, — должен провести в ней лунную ночь, от заката солнца до утренней зари и не вблизи шумного каравана, а наоборот, вдали от дыма и пламени его костра.



Карта к путешествию А. В. Елисеева в Сахару.

Дни путешествия тянулись довольно однообразно, и распорядок почти не менялся. Караван снимался с ночевки рано утром, обычно часа в три-четыре, и шел, не останавливаясь, до девяти или до десяти часов. Далее верблюды отказывались итти из-за невыносимой жары, и делался привал часов до четырех или шести дня. Путники забирались в тень раскинутого шатра и здесь, также изнывая от зноя, пережидали самое жаркое время дня. Как только жар чуть спадал, караван еще шел два или три часа и, наконец, располагался на ночлег. Разгруженные от поклажи и седоков верблюды паслись невдалеке, пощипывая стебельки сухих трав, а путешественники укладывались спать на сгруженных вещах, предварительно поужинав. Ужин состоял из фиников, сушеного мяса и нескольких глотков воды из бурдюков, как правило, вонючей и отвратительной на вкус. Иногда, если была возможность соорудить небольшой костер, варили чай или кофе. Елисеев не терял случая поохотиться и частенько разнообразил свой стол дичью. Иногда это была газель, иногда птица. Ибн-Салах и его слуги никогда не ели в пустыне свежего мяса, но варили себе нечто вроде похлебки или болтушки из муки, прибавляя туда немного соли, луку и сухих корешков. Ночь почти никогда не проходила спокойно, так как путников постоянно тревожили разнообразные гады пустыни: змеи, скорпионы и пауки. Елисеев пытался соорудить себе нечто вроде гамака, но и это не всегда помогало, и не раз приходилось ему по ночам просыпаться.

Несмотря на то, что Елисеев защитил себя широкополой шляпой и кутался в бурнус, жара и сильное освещение очень действовали ему на кожу. Кожа на руках и на лице припухла, стала бронзово-красного цвета, губы тоже распухли и потрескались, кожа на теле, особенно на спине, плечах и боках, покрылась легкою, непрерывно зудящею сыпью, на белках глаз появились красные пятна.

Опасаясь солнечного удара, Елисеев заставил караван итти ночью, но несмотря на это, иногда ему казалось, что он не сможет дойти до ближайшей остановки и буквально падал от изнеможения.

Путь каравана шел по бугристому морю песков, то по равнине, усыпанной обломками кремня, то среди холмов и рытвин громадных дюн, пересекая котловины, высохшие

русла рек. Одно из таких русел — долина иссякнувшей реки Сахары — Ихархара, в несколько километров шириною, ограниченное крутыми обрывами, кое-где перегороженное дюнами, усыпанное кремневыми обломками и галечником, ясно выделяется, среди окружающей довольно ровной местности, своими крутыми обрывистыми склонами, спуск по узким и неудобным проходам в которых был довольно затруднителен без опытного проводника.

Несколько разнообразили дорогу колодцы и котловины с озерком воды в их центральной части, да мелькающие там и сям крупные животные пустыни и птицы. Около одного из таких колодцев, Хасси-Мрейр, караван встретился с кочевниками Шамба. До них уже дошла весть, что какой-то европейский путешественник пробирается в пустыню, но так как цели его путешествия не были им известны, то они сначала встретили Елисеева не особенно дружелюбно. Однако, когда знакомый им Иби-Салах рассказал, что с ним едет врач, то недоверие рассеялось, и путники были приняты с большим радушием. Кочевники устроили настоящее празднество с пляской и пением, зажарили целого козленка и так провели вечер и ночь.

Один день путники провели в котловине Айн-Тайба. Окруженная со всех сторон высокими песчаными дюнами, до 100 м высотою, эта котловина содержит в центре небольшое озерко с болотистыми берегами и зарослями тростников, среди которых возвышались и пальмы. Караван спугнул с поверхности озера стаю водяной птицы. С трудом, вырубая и сжигая тростник, удалось напоить верблюдов, но люди не смогли воспользоваться водою непосредственно из озера. Гниющий камыш, трупы животных, неряшливость проходящих караванов до того засорили воду, что ею нельзя было пользоваться по причине нестерпимого запаха гнили и сероводорода. Но опытный Иби-Салах и его слуги особенно не тужили: довольно быстро, своими длинными ножами они выкопали вблизи берега небольшую ямку, в которую очень скоро набралась вода, фильтруясь из озера, оказавшаяся очень приятною на вкус, и лишь с легким запахом сероводорода. На ужин Елисееву удалось раздобыть двух бекасов и, таким образом, остановка на целый день в палатке под тенью пальм котловины Айн-Тайба оказалась очень приятной.

Путешествия Елисеева по Алжирской Сахаре убедили его в том, что ее ландшафт не представляет собою совершенно безжизненной пустыни, как это некоторые думают. Небольшая прогулка по дюнам, окружающим котловину Айн-Тайба, показала, что здесь встречается до 40 видов растений и до 20 видов птиц. Среди растений Сахары встречается немало представителей растительности северо-африканского побережья и даже Испании, но в общем флора ее своеобразна. Растения Сахары очень хорошо приспособились к жизни в условиях движущихся песков и нестерпимого зноя, соединенного с недостатком влаги. Они сухи, кожисты, имеют много колючек, покрыты волосками, имеют длинные корни, способны к быстрому росту, высвобождающему их из-под засыпающих песков.

Животный мир также довольно разнообразен. Елисеев заметил до 15 видов млекопитающих, до 80 видов птиц (не считая перелетных), до 20 видов пресмыкающихся, немало рыб, которых он встречал в колодцах, до 200 видов насекомых и до 30 видов моллюсков.

Почти везде, а около оазисов и колодцев в особенности, Елисеев встречал орудия каменного века, которые говорили ему о том, что человек обитал в Сахаре с незапамятных времен. Встречаются также древние могилы, остатки построек и т. п.

Случилось Елисееву пройти и очень тяжелое испытание, которое в Сахаре иногда заканчивается трагически— смертью путников. Мы говорим о горячем ветре, вздымающем песок и наполняющем всю атмосферу мельчайшими частицами пыли, — самуме. Яркую, красочную картину рисует нам Елисеев, описывая песчаную бурю в Сахаре. Читая его, невольно слышишь и «песни поющих песков», чарующие, довольно высокие звуки, с металлическим оттенком, которые слышались отовсюду, и «звук солнца», который сопровождает раскалывание камней, перегретых солнцем, и «песни дринна» — звон, происходящий от колеблющихся высоких, тонких, высушенных на солнце пустотелых стеблей этой сахарской травы. Но особенно жуткое впечатление остается от чтения тех строк, в которых он описывает песчаную бурю, которая застала его маленький караван на третий день пути от котловины Айн-Тайба. Не менее ужасную песчаную бурю испытал Елисеев, уже возвращаясь из Гадамеса. По его словам,

ночь, в которую застигла его буря, была одна из самых ужасных ночей, какие он пережил во время своих путешествий.

Сильное впечатление произвела на Елисеева и его первая встреча с туарегом. Однажды ночью, за день до прихода в Гадамес, Елисеев, задремавший в палатке, проснулся, услышав незнакомый голос, разговаривающий с Ибн-Салахом. Выглянув из палатки, он увидел при слабом и багровом отблеске костра колоссальную фигуру всадника на верблюде, со щитом в одной руке и копьем в другой и с закрытым белым покрывалом лицом. На нем были одеты голубая блуза и штаны, перетянутые красным кушаком, красный плащ, за поясом висел длинный меч. Тихо, гортанными словами, что-то сказал он Ибн-Салаху и, повернув своего верблюда, так же быстро исчез, как и появился. Ибн-Салах успокоил взволнованного Елисеева относительно цели посещения туарегом их ночной стоянки. Оказывается, он был другом старого Ибн-Салаха и захотел узнать, кто же именно зашел в область его песков. Елисеев подробно описывает туарегов Алжирской Сахары. По его словам, туарег — истинный сын пустыни: по верблюжьим следам он может точно сказать, кто прошел и кто проехал, свой или чужой, туарег или араб, мавр или европеец, шел ли это мирный караван купцов, или же пробиралась шайка грабителей караванов, спешили ли путники или двигались, не думая о времени... Острое зрение позволяет ему видеть за целый километр земляного зайца, или фенека, что европейцу совершенно недоступно, обоняние у него превосходно, а слух, изощренный до крайности, позволяет далеко различать и шорох ползущего насекомого, и шаги верблюда.

Наконец, после длинного и утомительного двухнедельного перехода по пустыне, маленький караван, под водительством старого Ибн-Салаха, подошел к первым пальмам оазиса Гадамес. Целую ночь и почти весь следующий день провели путники у колодца, отдыхая после тягот перехода по пустыне. Ночью снова посетил их туарег — друг Ибн-Салаха и при свете костра поднес «мудрому адхалибу» свои подарки — целебные травы пустыни, свойства которых он подробно объяснял, как настоящий ботаник. Слушая его, Елисеев с интересом рассматривал его одежду и оружие, весь тот несложный

инвентарь, который туарег возит с собою — амулеты, мешок с провизией, бурдюки с водою.

Пройдя чудесный оазис, состоящий более чем из полумиллиона пальм, наши путники вступили в город. Навстречу каравану вышла толпа, радостно приветствовавшая Ибн-Салаха. Узнав, что тот привез франкского адхалиба, толпа окружила и с интересом рассматривала Елисеева, который, восседая на верблюде, держал перед собой на седле пучки целебных трав в знак своего звания странствующего врача. Те гадамесцы, которые никогда еще не видели европейцев, пытались даже ощупывать новоприезжего чужестранца.

В доме Ибн-Салаха Елисеев был устроен с большим почетом. Он не только помог больным сыновьям своего домохозяина, но и устроил амбулаторию для приходящих больных всего Гадамеса. Пользуясь склонностью туземцев лечиться при удобном и неудобном случае, да еще и совершенно даром, Елисеев смог основательно познакомиться с народностями, здесь встречающимися. Основное население Гадамеса составляют берберы и метисы берберов и арабов, берберов и негров. Туареги, которыми Елисеев интересовался, в городах не живут, и ближайшее знакомство с ними состоялось в одном из становищ туарегов, куда привел Елисеева услужливый Ибн-Салах.

Здесь ему удалось присутствовать в качестве особо почетного гостя на ночном празднестве туарегов, видеть их оригинальные пляски и игры. По мнению Елисеева, женщины у туарегов пользуются большим почетом и по своему умственному развитию превосходят мужчин. Мужчины туареги неграмотны, а женщины сохранили до сих пор знакомство с берберской письменностью, которую еще можно наблюдать в надписях лишь на скалах Сахары и Марокко.

Елисеев отмечает много положительных черт в характере туарега, но указывает, что туареги являются главными поставщиками рабов, которых они добывают набегами на племена, живущие на берегах озера Чад и Нигера, чтобы сбыть в торговых центрах Сахары.

Гадамес представляет собою довольно оригинальный населенный пункт Алжирской Сахары. Улицы Гадамеса и его площади разделяют лишь кварталы. Внутри последних, между домами, мы видим только узкие кори-

доры, нечто вроде подземных ходов. В потолках этих подземных ходов имеются кое-где отверстия, через которые проникает внутрь так мало света, что передвижение происходит с фонарями даже днем. Крыши домов соединяются в единое целое, разделенное только невысокими заборчиками, и здесь — царство женщин. Последним запрещается спускаться в крытые улицы города, так же, как мужчинам ходить по верхней террасе, образованной крышами домов.

По причине «истощения кошелька», как говорит Елисеев, приятное пребывание в стране туарегов близилось к концу, и Елисеев направился в обратный путь. Первая попытка выбраться из Гадамеса в Мурзук, а затем в Триполи, окончилась неудачей, так как большой караван купцов, к которому присоединился Елисеев, подвергся нападению шайки разбойников, и пришлось вернуться. Вторая — присоединиться к каравану в Эль-Уэд, далее в Тугурт и Бискру, — удалась, и Елисеев добрался туда без особых приключений. Дальнейший путь — через Батну, Меннервиль, Алжир, до Орана — Елисеев проделал уже не караванными дорогами, а или в дилижансе, или — в поезде. Из Орана на пароходе Елисеев проехал в Танжер, а оттуда, после беглого осмотра города, пароходом же отправился в Европу. Проехав всю Западную Европу, через Португалию, Испанию, Францию, Швейцарию, — Елисеев вернулся в Россию, как он пишет, не только не утомленным, но с еще большим стремлением, по возможности, скорее снова пуститься в далекий путь.

* *
*

Однако еще раз попасть в Африку Елисееву удалось только в 1893 г. Тем не менее, эти годы он не сидел на одном месте. Конец 1886 и начало 1887 г. Елисеев путешествовал по Малой Азии. Весною 1889 г. он сопровождал большую партию переселенцев из Одессы во Владивосток на пароходе. Это дало ему возможность побывать в Южно-Уссурийском крае, в Японии, по которой он сделал несколько экскурсий, и на острове Цейлоне.

В 1890 г. Елисеев работает уже в Персии, в погранич-

ной с Россией местности, обследуя там, в связи с эпидемией холеры, состояние санитарного дела.

В 1892 г. Елисеев работал в Челябинском уезде на «голодном тифе» и на ревизии врачебных учреждений Западного края.

Летом 1893 г. Елисеев опять-таки наблюдает за ходом холерной эпидемии, но уже в Бессарабии и Подолии.

Последние два путешествия Елисеева были в Африку: одно из них, неудачное, он сделал в Судан, второе — в Абиссинию.

* *
*

Путешествуя по Египту и Северной Африке в 1881, 1883 и 1884 годах Елисеев неоднократно слышал о том народном движении, которое получило название махдизма. В ряде научных статей он пытался подробно рассмотреть этот вопрос, но его увлекала мысль самому отправиться в глубину Судана.

С этой целью он решил (в сентябре 1893 г.) отправиться тайно от англо-египетских властей из Асьюта через Ливийскую пустыню и Кордофан в резиденцию самого Махди, в Омдурман, невдалеке от Хартума. Переодевшись арабом, выбрив голову и выкрасив бороду и усы, Елисеев, во главе собственного каравана из восьми верблюдов, с четырьмя арабами-проводниками и слугою Юсуфом, русским татарином, которого он разыскал в Каире, отправился из Асьюта на юг, надеясь за месяц с небольшим достичь цели своих давних стремлений.

До перехода через границу Египта и Судана путь шел по восточной окраине Ливийской пустыни, от оазиса к оазису. Караван благополучно миновал оазисы Каргэ, Булак, Бари и Меко, перешел незаметно через пограничную полосу и направился к оазису Селиме. Встреченный по пути караван принес тревожные известия, что колодцы Абу-Тингль и Селиме заняты вооруженными отрядами и путь едва ли безопасен. Однако караван Елисеева продолжал осторожно пробираться вперед, надеясь обойти пустынею опасные места. Тут внезапно на них напал довольно значительный, хорошо вооруженный отряд арабов. Арабы-проводники бежали при первых выстрелах, Елисеев же, с верным Юсуфом, пытался отстреливаться, но был вынужден тоже спасаться бегством. Шайка, за-

нявшаяся разграблением груза, их не преследовала. Пришлось направить своих верблюдов в обратную сторону и пытаться как можно скорее достичь Нила, так как погиб весь провиант, и у них осталось только два мешка воды. Опасение встретить патрули египтян заставляло их итти преимущественно ночью, а днем прятаться среди холмов и котловин пустыни.

Елисеев и Юсуф чуть не погибли от голода, но, к счастью, на третий день они встретились с небольшой группой арабов-кочевников, которые накормили их и снабдили водою. Только на пятый день после всех испытаний Елисеев, изнемогая от усталости, достиг Нила. Тут пришлось решиться на крайний шаг. Воспользовавшись оставленной у берега лодкой, наши беглецы, утешая себя тем, что они оставили взамен двух верблюдов, пустились вниз по Нилу. Целую неделю пробирались они на лодке до Асуана, где пересели на пароход; Елисеев и до Асьюта ехал в одежде араба.

Только здесь, переодевшись в европейский костюм, Елисеев почувствовал себя избавленным от треволнений своей неудачной поездки и направился в Каир. Хотя поездка и окончилась неудачей, тем не менее Елисееву удалось собрать значительный материал о движении махдистов, материал, который он использовал в ряде статей и в докладе, сделанном им на общем собрании Русского Географического общества.

* *
*

В 1895 г. Елисеев побывал в Абиссинии. Путешествие продолжалось недолго. Оно началось в январе 1895 г., а 10 мая Елисеев уже сделал доклад о поездке в Географическом обществе. Он рассказывал о путях, пройденных им по невысоким плато, усыпанным глыбами базальта, о лесах Абиссинии, о Хараре, где ему довелось провести около двух недель...

Это была последняя экспедиция Елисеева в Африку и последнее путешествие в его жизни: 22 мая он скоропостижно скончался от крупозного воспаления легких.

Книга А. В. Елисеева «По белу свету», написанная увлекательно и ярко, будила у читателей интерес к природе и любовь к путешествиям.

В «Истории полувековой деятельности Русского Географического общества», составленной П. П. Семеновым-Тян-Шанским, мы найдем написанные с теплым чувством страницы, посвященные экспедициям А. В. Елисеева, — неутомимого путешественника, прекрасного описателя природы, скромного русского врача.

Цена 1 р. 50 к.